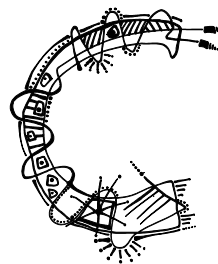

Н.И. Григулевич

Мой Кавказ

*Чем за общее счастье без толку страдать –
Лучше счастье кому-нибудь близкому дать.
Лучше друга к себе привязать добротой,
Чем от пут человечество освобождать.*

Омар Хайам

Дорогу осилит идущий

В июне 1982 г. я пришла работать в сектор этнической экологии Института этнографии АН СССР. Сектор был создан по инициативе профессора, д.и.н. Виктора Ивановича Козлова. До этого, после окончания биофака МГУ, я семь лет проработала в лаборатории иммунологии клетки Института эпидемиологии и микробиологии Академии медицинских наук СССР. Моя работа была связана с изучением радиорезистентности костной ткани и предполагала большой объем исследований, которые проводились не только в нашей лаборатории, но и в целом ряде смежных НИИ. Я и предположить не могла, как изменится моя жизнь с переходом на новую работу.

В начале восьмидесятых годов в секторе этнической экологии продолжалось изучение темы “Долгожительство”. Однако вместо уже достаточно хорошо изученной Абхазии основным исследовательским полигоном становится территория Азербайджана. Когда мы обсуждали с Виктором Ивановичем тему моего будуще-

го исследования, я призналась ему, что мечтала заниматься проблемами психологии личности. На это Виктор Иванович справедливо возразил мне, что вопросами психологии в проекте ведаёт такой специалист, как, к сожалению, ныне покойная, Галина Васильевна Старовойтова. А мне он предложил заняться разработкой нового направления под условным названием “Этническая экология традиционного питания и проблема долгожительства”. Честно признаюсь, что вначале я не была в восторге от этого предложения. Но сегодня, по прошествии почти двадцати лет с того памятного разговора, я очень благодарна Виктору Ивановичу за помощь в начале моего пути в гуманитарных науках. Результатом многолетних полевых исследований в Азербайджане, Грузии, Армении, а последние 10 лет и в Поволжье явилась монография¹, доклады на международных конгрессах и конференциях, а самое главное - это незабываемые экспедиции, встречи с необыкновенными людьми и не менее поразительной природой Закавказья.

Уже в начале июля 1982 г. наш маленький экспедиционный отряд в составе Виктора Ивановича Козлова, Володи Большакова, врача Евгения Алексеевича Брюна, двух молодых людей, имена которых я к сожалению уже не помню и вашей покорной слуги прилетел из Москвы в Баку и, погрузив экспедиционное имущество в «рафик», двинулся по направлению к Ленкорани, где по статистическим данным были очаги долгожительства. В Баку к нам присоединился Эльдар Намазов, которого иначе, как “Эльдарчик”, никто не звал - молодой, довольно свободно державшийся, неплохо образованный и начитанный научный сотрудник Института археологии и этнографии Азер-

¹ Григулевич Н.И. Этническая экология питания. Традиционная пища русских старожилов и народов Закавказья. М.1996

байджана, бывший аспирант В.И. Козлова.

Шлагбаум, будка с солдатами, ужасная жара. И тут мы надолго застреваем: у кого-то нет разрешения на въезд в погранзону, которое нужно было оформить еще в Москве. Пока идут неизбежные в таких случаях разбирательства и препирательства, вспоминаем забавные надписи такого, например, содержания: “Широко шагает Азербайджан” или “Ленин с нами”, которыми были украшены самые немыслимые ландшафты вдоль нашего пути от пустынь и такыров до благодатной ленкоранской земли.

А еще мы вспоминаем заповедник Гобустан, расположенный в часе езды от Баку, куда мы заезжали по дороге. Рисунки древнего человека покрывают обширные участки скалистого плато, на которое мы долго взбираемся по серпантину. Зрелище с вершины плато открывается совершенно грандиозное. По силе впечатления оно превосходит даже потрясение от самих рисунков. Может быть, таким увидели лунный ландшафт впервые ступившие на Луну американские астронавты? Почему в этом ныне абсолютно безлюдном, прокаленном жгучим солнцем месте поселился тот древний человек, который и оставил эти изумительные рисунки нам с вами, своим далеким потомкам, так называемым *Homo sapiens*?

А может быть в далекой древности эти безжизненные сегодня пыльные пустыни - такыры - были цветущим краем, раем, парадизом? Я не могу поверить, что люди могли поселиться в безводной пустыне и создать такие прекрасные рисунки. Следовательно, там, где поселяется человек, неизбежно рано или поздно появляется пустыня. А ведь в то время не было фабрик, заводов, газет, парохо-

дов. Возможно, впрочем, что основной причиной этого было ухудшение климатических условий.

Ленкорань, ты моя, Ленкорань...

Но пора вернуться к пограничному посту. Все формальности, кажется, улажены и мы можем двигаться дальше. А вот и долгожданные красные черепичные крыши уютного городка Ленкорани, едва различимые в густой и блестящей зелени влажных субтропиков. Аккуратные домики лепятся друг к другу и избегают на пригорки, кое-где сквозь зелень просвечивает синее-синее море.

На следующий день было воскресенье и мы пошли смотреть настоящий восточный базар. Впечатление было грандиозное. Такого я не видела больше нигде и никогда. На этом необыкновенном базаре все продавалось мешками. Мешок пшеницы, мешок фасоли, мешок баклажан, мешок съедобных каштанов, мешок болгарских перцев, мешок грецких орехов и т.д. и т.п.

Глаза разбегались, голова не успевала вертеться в разные стороны и скоро начинала кружиться от всего этого восточного многообразия и великолепия. В багажниках машин кудахтали куры и гоготали гуси, степенно сидели важные индюки, помахивая красными носами. Продавцы непрерывно зазывали тебя, хватали за руки и норовили всучить свой товар во что бы то ни стало. Горы персиков, груш, абрикосов, дынь и арбузов наполняли своим терпким пряным ароматом и без того раскаленный воздух маленького городка и начинало казаться, что ты - Шахерезада, к ногам которой сказочный джин доставил на ковре-самолете все восточные сокровища. Я купила два больших платка из чистого шелка, по типу тех, что местные жительницы носят

обычно на голове. Из красного я сшила костюм, который иногда ношу и теперь, а черный кому-то подарила.

Вечером того же дня, гуляя по несколько поостывшим улочкам города, мы набрели на большущий свадебный шатер, раскинувшийся прямо посреди улицы. Через щели в брезенте (женщинам, особенно посторонним, вход на торжество заказан) можно было наблюдать, как жених с гостями - мужчинами под аккомпанемент зурны и бубна отплясывает, как нам показалось, один и тот же бесконечный танец. При этом все присутствовавшие непрерывно лузгали семечки, которые, справедливости ради надо сказать, вообще являются неотъемлемой частью местной действительности.

Невесты нигде не было видно, и даже мать жениха наблюдала за церемонией как и мы, подглядывая в щелочки шатра. В.И. Козлов, как почетный гость, был приглашен на эту свадьбу, а мы пошли дальше гулять по вечерним улочкам Ленкорани, дышавшим относительной (по сравнению с дневным пеклом) прохладой.

Ленкорань сама по себе не являлась целью нашего путешествия. В те годы (1982-1983) в секторе этнической экологии все еще продолжалась работа по изучению феномена долгожительства на Кавказе. И наш путь лежал дальше на юг, в высокогорный городок Лерик, столицу Талыша, где по предварительным данным был отмечен высокий процент людей преклонного возраста. Талыш - своеобразное государство в государстве, район, населенный выходцами из Ирана - талышами.

“Эх, дороги, пыль да туман...”

До Талыша нужно было еще добраться. И тут нас подстерегало не совсем приятное (а точнее говоря даже опасное) происшествие. На одном из крутых поворотов

горной дороги на наш рафик на огромной скорости налетел самосвал. Скорость была настолько большая, что дверь рафика рядом с водительским сиденьем была срезана начисто. Слава Богу, мы все отделались легким испугом и небольшими ушибами, за исключением Володи Большакова, сильно ударившегося головой о крышу рафика.

И вот тут мы стали свидетелями правосудия «по понятиям». За рулем самосвала сидел совсем молодой человек, почти мальчик. Через пять минут после происшествия вся его семья, возглавляемая отцом и матерью, прибежала к месту аварии и с криками и причитаниями стала упрашивать нас уладить это дело полюбовно, иными словами без оформления положенных в таких случаях документов. В конечном счете так все и произошло. В присутствии начальника местной милиции, так и сиявшего от удовольствия, стороны заключили мировую. Нам был выделен почти новый УАЗик, а поврежденный рафик встал на ремонт.

Чтобы закончить автомобильную тему, скажу, что на этом УАЗике мы не только доехали до Лерика, но и совершали на нем радиальные выезды в окрестные селения. Кто не был на Кавказе, не представляет себе, что такое горные дороги. Сами по себе довольно узкие, они еще усеяны огромными валунами, свалившимися с крутых горных уступов. Начинаешь чувствовать себя не очень уютно, представляя себе, как такой «камушек» падает с большой высоты на брезентовую крышу УАЗика. Но, как говорится: «кто не рискует, тот не пьет шампанское!»

Самое пикантное в езде по этим дорогам - это, конечно, местные водители. В то время как экспедицион-

ный ГАЗ-66, управляемый московским водителем, спокойно и степенно преодолевал горный серпантин, наш УАЗик, за рулем которого сидел все тот же местный водитель - джигит, буквально ставил скоростные рекорды, тут же исчезая из поля зрения. И вот в один прекрасный день мы таки зависли передними колесами над пропастью. Отдадим должное нашему водителю - реакция у него была отменная! На такой скорости он все же успел затормозить. В противном случае эти, столь дорогие моему сердцу записки, вполне возможно не увидели бы свет. Впрочем и мы оказались на высоте - никто из сидящих в УАЗике даже не ойкнул.

Как-то в другой раз во время нашего очередного вынужденного «ралли» на дорогу внезапно, как это бывает только в горах, спустился густой туман. «Ну все, наконец-то нашим эскападам пришел конец. Слава Богу, теперь-то мы будем передвигаться на нормальной скорости» - подумала я. Но не тут-то было! Я явно недооценила способности кавказских джигитов ориентироваться на горных дорогах даже в таком тумане, когда не видно пальцев на вытянутой руке. Скорость нашего «фerrари» почти не снизилась. Вот это были незабываемые ощущения!

В пути нас поджидали не только неприятности. По дороге в Лерик мы проезжали мимо древнего кладбища, на котором сохранились захоронения еще зороастрийских времен. Расположено оно в густой самшитовой роще, все ветви которой пестрят от многочисленных разноцветных тряпочек. По древнему языческому поверью, если загадать желание и завязать на ветке самшита в этом святом месте тряпочку - оно обязательно сбудется. Древние надгробья, украшенные богатой резьбой с изображениями горных туров и почти стершимися надписями, на две трети ушли в землю.

В роще царит удивительная прохлада, тишина и покой, тихо журчит ручей.

Порядок и чистоту в священной самшитовой роще поддерживают (по очереди) жители близлежащего села. А все, кто проезжает мимо нее, обязательно оставляют в условленном месте, под большим валуном, свои пожертвования, на которые и живут люди, ухаживающие за рощей. Интересно, что деньги эти никогда не пропадают, хотя все знают, где они лежат.

Талышские горы (фото Н.А. Дубовой)

Эти места древних захоронений очень почитаются в народе. Важные события в жизни семьи (свадьба, рождение ребенка, похороны) обязательно сопровождаются закалыванием ритуального барана и трапезой недалеко от древнего кладбища. При этом угощают всех, кто попадает на пути или посещает в это время священную рощу. Мы как раз застали там многочисленное се-

мейство и тут же были приглашены к столу.

Вообще азербайджанцы и талыши, как и все кавказские народы, чрезвычайно хлебосольны и гостеприимны. Гостеприимство это очень искреннее и идет из глубины души. Не успеваешь переступить порог сельского дома, как тебя усаживают в густой тени и подают неизменный, обжигающе горячий чай в традиционных стаканчиках грушевидной формы. Если бы не этот чай, мы навряд ли смогли бы так продуктивно работать в условиях столь жаркого климата. Достаточно сказать, что в 1983 г. в Казахском, Зардобском и Ахсуинском районах температура воздуха в тени доходила до 45 -50 градусов по Цельсию! Июльская жара 2001 г. в Москве по сравнению с этим - просто курорт.

“Этот плод никогда не надоест...”

В районном центре Талыша Лерике наша экспедиционная группа поселилась в единственной в городе гостинице, из окон которой взгляду открывались бесконечные голубые и сизые виноградники, покрытые дымкой тумана. Весь город находится на больших перепадах высот, и, гуляя по нему, приходится все время то спускаться, то подниматься в гору. В условиях высокогорного недостатка кислорода (две тысячи метров над уровнем моря) для меня это была задача не из легких. Местные жители, всю жизнь вынуждаемые самими природными факторами к такой ежедневной гимнастике, безусловно прекрасно адаптированы к этим условиям и демонстрируют чудеса бодрости и оптимизма, зачастую даже в весьма преклонном возрасте.

Особенность работы в этом районе заключалась в том, что пожилые талыши, старожилы и долгожители, которых мы опрашивали по довольно пространной ан-

кете, практически не знали азербайджанского языка, который, как известно, относится к тюркской языковой группе, в то время как талышский - к иранской. Поэтому нам приходилось вести опрос, прибегая к помощи двух переводчиков. Сначала наш вопрос переводили на азербайджанский, а другой переводчик уже транслировал его на талышский. В обратном порядке переводили ответы долгожителей. Все это создавало некоторую нервозность и усложняло нашу работу, внося сомнения за точность ответов.

На всю жизнь я запомнила самый первый в жизни опрос, в котором принимала участие. Проводил его наш неподражаемый Володя Большаков. Высокий, порывистый, с большой окладистой бородой, он сам чем-то напоминал кавказца. С громким возгласом «Гомарджоба!», оставшимся, видимо, еще со времен работы в Абхазии, он смело переступил порог дома и сразу приступил к опросу долгожителя. Глядя на все это, я думала: «Никогда в жизни так не смогу!!! Мамочки, как же мне этому научиться? Нет, точно так не смогу». До сих пор помню этот леденящий душу страх, сковавший меня по рукам и ногам. Но «дорогу осилит идущий»... Позади - много лет работы на Кавказе, а теперь уже и в Поволжье.

В долгожительской анкете присутствовал, на мой взгляд, не совсем корректный вопрос, который звучал так: «Сколько лет вы хотели бы еще прожить?» Мне казалось, что задавать такой вопрос пожилому, не всегда здоровому человеку довольно бестактно, о чем мы неоднократно и спорили с Виктором Ивановичем и Володицей, которые настаивали на его необходимости. Я даже как-то в запальчивости сказала, что сама этот вопрос задавать не буду, хоть убейте.

И вот как-то раз мы опрашивали в том же Лерикском районе долгожителя - пастуха. Все шло своим че-

редом, и вот уже Большаков задает последний злополучный вопрос: «Сколько бы вы еще хотели прожить?» Старожил на некоторое время задумывается, потом его красивое, испещренное глубокими морщинами лицо расплывается в хитрой улыбке, и мы слышим поразительный по своей поэтичности ответ: «А ты знаешь, дорогой, ведь этот плод никогда не надоест!»

В Лерике бросалась в глаза необыкновенная красота местных девушек. Тут же возникал образ Шамаханской царицы. Даже очень пожилые долгожительницы поражали тем, что принято называть «следами былой красоты» на лице. Однажды, придя опрашивать долгожительницу, мы почувствовали, что она пребывает в состоянии крайнего стресса и не в состоянии отвечать на наши вопросы. Обратившись к ее родственникам, мы выяснили, что ее внук (а скорее всего это был правнук) когда услышал, что мы собираемся поговорить с его бабушкой, прибежал к ней со словами: «Бабушка, там приехали из Москвы и тебя с собой заберут!» Можете себе представить состояние пожилой женщины, которая за всю жизнь дальше соседнего райцентра не ездила! Когда мы ей объяснили, что хотим только поговорить, она успокоилась и дальше беседа проходила в обычном русле. Я заметила на лбу этой еще очень красивой женщины маленькую татуировку в виде ромбика, но все мои вопросы на эту тему остались без ответа.

Как-то раз прогуливаясь по узким улочкам Лерика, Виктор Иванович справедливо подметил, что все местные мужчины ходят по городу, держа под мышкой круглый хлеб, который выпекается по традиционной технологии в глиняных печах - тандырах. И сказал, что немедленно тоже приобретет такой же, чтобы не отличаться от других джигитов.

Под конец моей первой, и поэтому самой незабы-

ваемой, экспедиции на Кавказ, то ли под действием высотных факторов, то ли из-за каких-то других причин, у меня поднялась температура и я слегла. Состояние было отвратительное: боль в желудке, сильная слабость и жуткий озноб несмотря на окружающую жару. Я лежала в нашей гостинице под кучей одеял, дрожала от озноба и думала: «Вот, помираю... Все бы ничего, но почему так далеко от дома, от близких и родных мне людей? Как это, черт возьми, несправедливо!»

Дверь моей комнаты периодически приоткрывалась, и кто-нибудь из местных товарищей предлагал мне свою помощь в лечении. В конце концов наши ребята организовали что-то вроде круглосуточной охраны меня от добровольных «помощников». Виктор Иванович, видя, что мое состояние не улучшается, предложил вызвать мне местного доктора. На что получил энергичный отказ: «Нет, нет и еще раз нет! В таком случае я лучше сама помру!»

Вылечил меня Евгений Алексеевич Брюн (психиатр и по совместительству доктор нашей экспедиции), накормив какими-то довольно противными таблетками, которые, между тем, оказались весьма эффективными. На следующий день, когда мы должны были уезжать, я уже чувствовала себя совсем сносно. Вообще тема всяческих недомоганий в экспедициях - это особая, забываемая тема и я еще буду возвращаться к ней неоднократно.

В одном из сел Лерикского района нам показали усадьбу человека, у которого было три официальных (разумеется, по исламским законам) жены, каждая из которых со своими детьми жила в отдельном доме. Говорили нам об этом на пониженных тонах, но самого факта не скрывали. Не забывайте, шел 1982 год! Стало быть, традицию исламского многоженства советская

власть победить так и не смогла. А может быть, не очень-то и хотела? Так же полупшепотом нам рассказывали о полуподпольных медресе, в которых желающих обучали исламу. Так что жизнь, несмотря на официальную пропаганду, шла своим чередом.

Первая экспедиция запомнилась мне не только необычайной яркостью впечатлений от богатейшей природы и очень красивых (как нравственно, так и физически) людей, но и атмосферой дружеского веселья, постоянных розыгрышей и «приколов», которой она сопровождалась. Вообще, надо сказать, что Володя Большаков как начальник экспедиции был просто великолепен. Он успевал и работу организовать и дать нам как следует отдохнуть. И все это получалось у него как-то легко и весело. А это - редкое качество!

“В Москву, в Москву!”

Обратный наш путь в Баку прошел уже без особых приключений. На бакинском рынке Женя Брюн учил нас покупать персики (как человек, выросший в Средней Азии, тут он был вне конкуренции). Я купила для мамы инжир и, как ни странно, даже умудрилась довести его до Москвы. Дело в том, что эти спелые нежные плоды фигового дерева (так еще называется библейская смоковница) совершенно не выносят транспортировки. Лучше всего их потреблять снимая прямо с дерева, что мы неоднократно и делали в домах наших гостеприимных старожилов.

Запомнился широкий приморский бульвар, любимое место прогулок бакинцев. Он весь был усажен оливковыми деревьями, среди матовой, светлой зелени которых блестели многочисленные, еще незрелые плоды. Зайдя в одну приглянувшуюся нам чайхану, я с

удивлением наблюдала, как компания молодых людей 18-20 лет оживленно общается за чашкой чая. Дело в том, что в чайхане подают только чай и сахар. Таковы незыблемые традиции. И уж конечно, никаких спиртных напитков вы там никогда не увидите. Вот этому, безусловно, нам бы не грех поучиться .

В Баку мы стали свидетелями грандиозных по своему размаху и широте приготовлений к приезду Л.И. Брежнева (это был его последний официальный визит в Азербайджан). По ночам асфальт, по которому должен был проследовать торжественный кортеж, раскрашивали «в цветочек». Весь город, вообще говоря, не отличавшийся особой опрятностью, пытались срочно привести в порядок. Людей снимали с работы, и они целыми днями, стоя на чудовищной жаре, вынуждены были размахивать флажками и выкрикивать приветствия, репетируя встречу вождя.

Леонид Ильич прилетал в Баку как раз в тот день, когда мы улетали в Москву. Ничего не подозревая, мы на институтской легковушке двинулись в сторону аэропорта. Но не тут-то было! Все дороги были наглухо перекрыты. В конце концов нам пришлось объехать весь город и подъехать к аэропорту с противоположной стороны.

Запомнились бесконечные нефтяные даже не вышки, а примитивные качалки, судя по их допотопному виду, качавшие нефть еще со времен царя Гороха или на крайний случай, со времен 26 бакинских комиссаров и по площади занимавшие, как нам показалось, треть городских предместий. Вокруг них все было залито черной, переливавшейся на солнце всеми цветами радуги, нефтью. Стоял необычайно тяжелый и специфический аромат нефтяных испарений. И все это в черте города!

Но вот кажется весь этот кошмар наконец позади,

и мы подъезжаем к аэропорту. Здесь-то нас и ожидал главный сюрприз дня! На огромном щите - портрет Леонида Ильича в белом парадном кителе и при всех многочисленных регалиях. В первый момент мы опешили от изумления, а через минуту, когда уже готовы были разразиться шутками и хохотом, молоденький сотрудник бакинского института обернулся к нам и с непередаваемой гордостью сказал: «Вот, такой портрет только у нас есть!» И мы поняли, что шутки придется отложить до самолета, что и было сделано.

Атига - ханум

В июле 1983 г. мы с Натальей Пчелинцевой прилетели в Тбилиси, где нас встречал начальник отряда Алексей Петрович Павленко. Мы поехали в Музей истории Грузии, где его сотрудник – Константин Константинович Чолокашвили или как принято говорить в Грузии «уважаемый батано Котэ» любезно провел нас по экспозиции музея и даже специально для нас открыл «золотую кладовую» и показал все ее сокровища. Потрясающие по красоте и удивительной тонкости ювелирные работы древних шумеров, греков и римлян! Особенно мне запомнилось ожерелье из чистого золота, все составленное из маленьких черепашек чудесной филигранной работы.

Надо сказать, что сотрудники местных НИИ истории и этнографии принимали самое активное участие как непосредственно в наших экспедициях, так и в процессе их подготовки и связанных с этим многочисленных организационных хлопотах. Особенно хочется поблагодарить за такое участие сотрудницу Института археологии и этнографии Азербайджана Атигу Измайлову. Мы вместе работали в поле и я очень благодарна

ей за то, что она ненавязчиво ввела меня в сложный мир обычаев и обрядов сельских жителей Азербайджана.

В частности, Атига-ханум рассказала мне, что в республике практически нет детских домов, так как если родители ребенка погибают или по какой-то объективной причине не в состоянии воспитывать его, заботу о нем берут на себя его родственники. Однажды мы вошли в дом, где был грудной ребенок. Я обратила внимание на резную деревянную люльку бешик с отверстием посередине (к ней обычно прилагается деревянная трубочка особой формы, которую используют, если в люльке находится мальчик), какие часто встречаются в музеях, где представлена бытовая культура кочевых народов Востока. Атига пояснила, что это «бешик» - традиционная люлька кочевников; ребенка можно привязать к ней, приторочить к седлу и в путь! В настоящее время в некоторых районах Азербайджана ее продолжают использовать в качестве колыбели для новорожденных детей.

Иногда у нас возникали забавные коллизии. Дело в том, что Атига - белокура от природы (такое довольно редко встречается у коренных жителей Азербайджана), ну а у меня, напротив, типично «кавказская» внешность. И вот, заходим мы как-то раз в один очень гостеприимный сельский дом, нас встречают доброжелательные пожилые женщины, берут меня за руки и ведут вглубь дома, при этом беспрерывно что-то говорят. Я пытаюсь объяснить, что я из Москвы и по-азербайджански не понимаю. Тогда на меня очень внимательно смотрят и выносят однозначный приговор: «Э, дорогая, зачем обманываешь, а?» Я беспомощно оглядываюсь на Атигу, взглядом прося выручить меня. Она по-азербайджански пытается объяснить нашим хозяевам то же самое, но не тут-то было! Своим глазам они привыкли доверять больше. Но вот мы входим во внутренний дворик, нас знакомят с долгожительницей,

после традиционного стаканчика чая начинается обычная работа и все недоразумения забыты. Мы расстаемся лучшими друзьями и по прошествии стольких лет я вспоминаю этих замечательных людей с любовью и благодарностью.

Я думаю, всем нам надолго запомнился вечер, проведенный у Атиги-ханум дома в Баку и чудесный азербайджанский плов, который она приготовила, следуя всем традиционным канонам. Мне, как специалисту, изучающему в частности традиционное питание, это было особенно интересно.

Азербайджанская кухня не менее богата и разнообразна, чем грузинская и армянская. Очень многие блюда в них почти одинаковы или похожи. Но она не такая острая и пикантная, хотя в ней так же присутствует огромное количество пряных трав.

Однако, пора все же вернуться в Тбилиси. Вечером мы расставили свои раскладушки в закрытом дворике Музея истории Грузии и ночевали прямо под открытым небом, любуясь на огромные, бархатные южные звезды. Кажется, протяни руку - и можно легко дотянуться до такой звездочки.

Полевые будни - праздники для нас!

Наутро нам предстоял утомительный путь в Казахский район Азербайджана, куда мы еле живые прибыли только к вечеру. Жили мы в здании интерната. Готовили по очереди. Самое большое испытание, которое нас поджидало - это поистине африканская жара. В тени температура доходила до 45 - 50 градусов по Цельсию. Мое с детства не очень здоровое сердце сразу взбунтовалось. Вот тут-то без гостеприимства местных жителей, с неизменным чаем и роскошными фруктами,

нам пришлось бы совсем туго.

Не стоит, наверное, утомлять читателя такой мало-значительной подробностью, что в вышеозначенном интернате отсутствовал даже намек на душ или что-либо подобное. И единственной возможностью постоять под прохладной водой в такое пекло была баня, куда экономный Алексей Петрович очень не любил нас водить. И вот наконец, после нескольких дней непрерывных просьб с нашей стороны, он сменял гнев на милость и мы пешком (видимо в целях экономии горючего) отправлялись в очень неблизкий путь. В бане мы открывали только холодную воду и стояли под ней буквально до посинения. По прошествии 10 - 15 минут мы начинали чувствовать, что к нам, кажется, возвращается нормальное дыхание.

Жуткая жара практически не ослабевала и ночью. И тут нам с Натальей Пчелинцевой крупно повезло. Один местный житель любезно уступил нам свой вентилятор. Мы поставили его на столик между нашими кроватями, чтобы прохладный воздух равномерно распределялся между нами, укутывались мокрыми полотенцами и так с грехом пополам доживали до утра. А утром начинали пить спасительный обжигающе горячий чай. И так доживали до вечера.

Как всегда, при работе по теме «Долгожительство в Азербайджане», особую проблему составляли переводчики. Обычно мы обращались за помощью в райком партии, а оттуда уже следовали соответствующие распоряжения директорам школ и прочим товарищам, способным оказать нам посильную помощь. Посещения этих самых райкомов - это отдельная тема: «Власть и народ». Первый секретарь, как правило, располагался на втором этаже здания в большом кабинете с неизменным длинным столом для совещаний и кондиционерами (о

радость!). Поэтому, попадая в такой кабинет, мы обычно не слишком торопились его покинуть. Да и восточный этикет подразумевал как минимум чаепитие. В некоторых райкомах во внутренних двориках - садах были устроены искусственные пруды с гордо бороздившими их тихие заводи царственными лебедями и беседки для приема особо почетных гостей.

Но я, кажется, немного отвлеклась по своему обыкновению от генеральной линии моего сбивчивого повествования. Итак, переводчики. Анкета по традиционному питанию, которую я разработала для сбора полевых материалов, была (и остается) весьма солидной и требовала для своего полного заполнения не только большого количества времени, но и сосредоточенности и спокойной обстановки вокруг. Но... «Покой нам только снится», - сказал поэт и был удивительно прав.

Как только мы, после предварительной разведки боем, приходили в дом долгожителя, нас окружала плотная толпа его родственников и соседей, которые поначалу молча слушали нашу беседу, затем начинали комментировать вслух наши вопросы и, что еще хуже, перебивая друг друга и невероятно громко галдя, через голову наших, если можно так выразиться, «официальных» переводчиков, задавать эти вопросы окончательно растерявшемуся старожилу. Все наши вопли о том, что неплохо бы оставить нас в покое и дать возможность хоть немного нормально поработать, обычно оставались без внимания. А по прошествии 10 - 15 минут “тусовка” сильно утомлялась и следовал как правило один и тот же вопрос, обращенный к нам: «Слюшаай, дорогая, а зачем тебе все это нужно, а?» Вот тут-то нужно было воспользоваться минутной слабостью «противника» и, припугнув его еще полутора - двумя часами опроса, заставить ретироваться (хотя бы на время).

Да, нелегка ты доля полевого работника! Но нет

худа без добра. После такого «тренинга» в азербайджанских селах, последующая работа в русских (духоборческих, молоканских, субботнических) селениях на Кавказе показалась мне просто легкой и приятной прогулкой.

В Уджарском районе к нам в помощники для решения организационных вопросов прикрепили второго секретаря райкома комсомола Икрама. Это был молодой человек лет 27, приятной наружности и с хорошим чувством юмора. Как-то мы стояли перед зданием райкома партии и вдруг на наши бедные головы из репродуктора с диким грохотом обрушилась какая-то песня явно местного колорита. Наш шофер Слава, к слову сказать бывший афганец, был просто вне себя. Надо сказать, он вообще особой сдержанностью не отличался и в редкие минуты сильного подпития пугал «гнилых интеллигентов» страшилками из области фронтовых будней афганской войны. Видя такую ситуацию и желая ее разрядить, наш комсомольский лидер рассказал, что когда он служил в армии и, откуда-нибудь доносилась подобная музыка, братья по оружию спрашивали его: «Икрамчик, а кого хоронят?»

Однажды, при переезде в другой район, я (даже не заметив этого) забыла погрузить в наш верный УАЗик оцинкованный таз, в котором мы обычно стирали белье, и он оказался безвозвратно утерян для нашего маленького хозяйства. Алексей Петрович, как человек крайне ответственный и хозяйственный, страшно переживал эту потерю и непрерывно сокрушался: «Где же наш тазик, черт возьми?» В этой ситуации нас защитил верный оруженосец, а по совместительству шофер, Слава, который после очередной жалобы Алексея Петровича на таинственно исчезнувший предмет обихода, громко гаркнул командирским голосом: «Я тебе сейчас покажу

тазик, так его и разэтак!» После сей грозной реплики, несчастный таз был забыт раз и навсегда. Вообще, Слава очень опекал женскую часть нашей экспедиции, что, учитывая его внушительную фигуру, было весьма кстати в условиях работы в сельской местности одной из закавказских республик, где, как известно, мужская часть населения отличается особым темпераментом.

Маленькие книжные (и не только!) радости

Сегодняшний читатель, избалованный всяческим изобилием книг, уже забыл, а молодежь и не застала то злополучное время, когда хорошие книги добывали с боем или из-под полы, или сдавая несметное количество макулатуры на вождеденные талоны, или выстаивая километровые очереди. А посему отдельного разговора заслуживают книжные магазины сельской местности тогдашнего (восьмидесятые годы теперь уже прошлого века) Азербайджана (частично о них сказано в статье В.И. Козлова).

Несметные сокровища таили они в своих более чем скромных стенах. Это были и вождеденные собрания сочинений русских и зарубежных классиков, бессмертные Ильф и Петров, элитарный Велимир Хлебников, вечные О. Генри и Конан Дойл, ну и разумеется «дюфситнейшие» братья Стругацкие и книги из серии «Жизнь замечательных людей».

Особую статью расходов для жаждущих поднять свой культурный уровень составляли пластинки единственной на тот момент в стране фирмы звукозаписи в Ап-релевке, которые в Москве были малодоступны для простых смертных (от наших А. Вертинского и А. Козина до ихних «The Beatles», А. Челентано и пр.) А еще меня поразило обилие иностранных иллюстрированных журна-

лов, в основном из стран народной демократии, которых мы тоже в Москве в открытой продаже не наблюдали и которые, как правило, продавались в покосившихся и донельзя ободранных сельских ларьках.

Как видит внимательный читатель, желающие без труда могли удовлетворить свой интеллектуальный голод, что иногда приводило к весьма комичным ситуациям. Однажды студентка биофака, принимавшая участие в нашей экспедиции, переоценила свои возможности. Она так набила целый рюкзак книгами, что когда мы вернулись из экспедиции в Москву и уже получили свои вещи в аэропорту Домодедово, выяснилось, что она не только не в состоянии его нести, но с трудом отрывает от пола. Мы пытались помочь ей совместными усилиями, но рюкзак (а это был обычный тогда, как теперь говорят, «футбольный мячик») и тут одержал бесспорную победу. Так как нас никто из знакомых не встречал, пришлось обратиться за помощью к прилетевшим одновременно с нами молодым людям, судя по их внешнему виду, возвращавшимся из стройотряда, которые и выручили нашу товарку.

“...До ста лет ты намерен прожить, ну и что?...”

Возвращаясь непосредственно к нашей научной деятельности, должна отметить, что проработав несколько полевых сезонов по теме «Долгожительство в Азербайджане», мы собрали обширный материал, который и был представлен в одноименной монографии, участие в работе над которой принимали не только сотрудники сектора этнической экологии и Института (тогда еще «этнографии») в целом, но и работавшие вместе с нами медики из Киева (прежде всего С.М. Кузнецова) и Баку (Ч.Ю. Касумов), а также уже упоминавшаяся

мной сотрудница Института археологии и этнографии Азербайджана Атига Измайлова.

Основной вывод, следовавший из наших трудов, звучал приблизительно так: «Достоверно подтвердить наличие устойчивой долгожительской популяции в Азербайджане не представляется возможным, учитывая не совсем аккуратное ведение похозяйственных книг, а также характерное для Кавказа подчеркнутое уважение и почитание людей старшего и особенно весьма преклонного возраста». Иными словами, так как исторически на Кавказе быть пожилым человеком весьма престижно, и где-то даже выгодно, мы не исключали возможности (и в некоторых случаях она была нами документально доказана) того, что люди при отсутствии свидетельств о рождении, специально завышали свой возраст, чтобы получить те или иные льготы.

Хочется особенно заострить внимание на отношении к пожилым людям на Кавказе. Это удивительно красивые обычаи, которые не только облегчают и продлевают (что неопровержимо доказано, в частности нашими исследованиями) жизнь пожилых людей, но и создают особую атмосферу всеобщей доброжелательности и взаимного расположения людей друг к другу. Когда это видишь, особенно впервые, кроме благодарности и восхищения народами, не только выработавшими такие традиции, но и сумевшими несмотря на все исторические катаклизмы сохранить их (а может быть и себя благодаря этому), возникает чувство белой зависти. Я думаю, внимательному читателю не надо объяснять источник этого чувства.

Много лет проработав «в поле» на Кавказе, я пришла к твердому убеждению, что если бы мы могли заимствовать эти традиции (боюсь, это чистая утопия, такие вещи обычно впитывают с молоком матери), то

очень многих проблем, с которыми люди сталкиваются в современной России, просто бы не существовало. Но, к сожалению, не только история не знает сслагательного наклонения.

Открывая Новоголовку.

В один прекрасный день (а было это в 1986 году) тогдашнего заведующего сектором этнической экологии Виктора Ивановича Козлова осенила как всегда весьма плодотворная идея: а почему бы нам не поработать в русских (тогда еще весьма многочисленных) селах в Закавказье? Дело в том, что в этих местах работали историки религии, в частности знаменитый Александр Ильич Клибанов, автор серии фундаментальных монографий по истории духоборческих, молоканских и субботнических учений, а также фольклористы, изучавшие богатый устный, письменный и всяческий иной материал.

Что же касается изучения традиционной культуры жизнеобеспечения и этнической экологии в широком понимании этого слова, которые являлись краеугольным камнем и составляли фундамент комплексных исследований нашего сектора с момента его основания, то мы были бы здесь первопроходцами. Так оно и случилось.

Для первой экспедиции (июль-август 1986 года) был выбран куст молоканских селений в районе нам хорошо уже знакомой Ленкоранской низменности. Начальником нашего отряда был Андрей Александрович Воронов. В его состав входили: ныне покойная Галина Васильевна Старовойтова, Светлана Михайловна Куз-

нецова (невропатолог из Киева), студент истфака МГУ Миша Козлов (сын Виктора Ивановича), две студентки из Москвы, ваша покорная слуга, ну и разумеется шофер нашего неизменного ГАЗ-66.

Это – совсем даже не Новая Гвинея! Это – с. Новоголовка, август 1986 г.

Помню, как привычной уже дорогой мы едем из Баку в сторону Ленкорани. Однообразие долгого пути скрашивают как всегда колоритные и приправленные острым юмором байки Галины Васильевны. Дорогу внезапно преграждает погранзастава (или погранпост?) перед въездом на территорию длиннющей погранзоны, протянувшейся вдоль побережья Каспийского моря вплоть до территории Ирана, с ее неизменными солдатами и шлагбаумом.

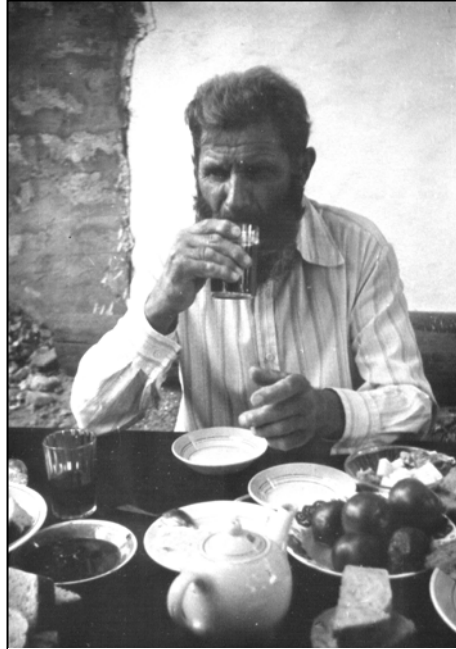
Тщательная проверка всех документов. На этот раз у нас все в порядке, и даже имеется бумага от военного Баку, с просьбой оказать всяческое содействие. Это уже А.А. Воронов при поддержке директора Ин-

ститута археологии и этнографии Азербайджана А.А. Аббасова постарался. Впоследствии она сослужит нам добрую службу. А здесь лишь отмечу, что равного Андрею Александровичу по «вхождению» в начальнические кабинеты я не припомню. Он проделывал это просто артистически. Какая бы адская жара ни стояла на дворе, он одевал специально припасенный для этой цели костюм, галстук, брал свою любимую красную папку с документами и в бой! Обычно такие нехитрые приемы производили на местных начальников неизгладимое впечатление. Ну и не последнюю роль тут играли осанистая и представительная фигура Андрея Александровича, его пышная борода и очки в толстой роговой оправе.

Рабочая остановка в райцентре Джалилабад, обязательный поход в райком партии, первый секретарь которого - Ибрагим Мусаевич Курбанов - закатил в нашу честь шикарный прием в своей не менее грандиозной резиденции, где он царствовал в окружении скромных цесарок, радужных фазанов, гордых лебедей и золотых рыбок. Все это хозяйство располагалось во внутреннем дворе здания райкома партии, на фоне искусственного водоема с ажурной беседкой посередине, где и проходил прием особо важных гостей. Древние восточные традиции наиболее комфортного обустройства жилища и тут давали себя знать. Что ни говори, а «восток дело тонкое!» Получив уверения в полнейшей поддержке наших исследований местными властями и самые добрые пожелания успехов, спешим далее, к месту нашей будущей работы.

И вот, наконец, наш верный ГАЗ-66 въезжает на пыльные улочки села Новоголовка. Это достаточно большое поселение раньше почти целиком населяли последователи молоканского учения, что-то вроде рус-

ских протестантов. Молокане считают (и тут трудно с ними не согласиться), что Бог - в сердце каждого человека и, стало быть, при общении с Ним верующие люди не нуждаются в посредниках. Исходя из этой логики они отвергают как церковные обряды (крещение, венчание и пр.), поклонение иконам и сами иконы, так и

Завтрак.
Молоканское с. Новоголовка,
август, 1986 г.

самых служителей церкви (священников и пр.), как ненужное звено при общении с Богом. А вот Библию они не только признают священной книгой, но и знают ее так, как мало кто из нас. Причем это касается не только людей пожилого возраста, но и совсем молодых.

Но я, как обычно, немного забегаю вперед. А между тем наш гостеприимный хозяин, председатель новоголовского колхоза

им. В. Куйбышева Рашид Мамедкул-оглы Нусратов, уже выделил нам помещение для проживания, которое представляет из себя его же собственный недостроенный дом. Обследуем наше новое жилище: нет ни окон, ни дверей, да и зачем они нужны в условиях такой чудовищной жары (не забывайте про влажные субтропи-

ки)! Внешне все вроде бы нормально, можно заселяться, что мы и делаем.

Но в первую же ночь мы поняли, что жить в этом доме не сможем, так как панели, которыми он был обшит, источали невероятно удушливый синтетический запах, да, если честно, и без этого печального обстоятельства духота внутри была невыразимая. Что же делать? Мы принимаем решение спать на улице, в саду, который окружает наше временной пристанище, где и расставляем свои верные раскладушки. Но здесь нас подстерегает новая напасть - полчища разнообразных насекомых не дают сомкнуть глаз. И тут на первый план выступает А.А. Воронов с уже упоминавшейся мной «охранной грамотой» от военкома республики, с какой он и отъезжает «бить челом» к райвоенкому.

Этот поход к начальству увенчался полной и окончательной победой: военком приказал выделить нам марлевые пологи по числу членов экспедиции, под каковыми мы и ночевали целый месяц. На фотографиях тех дней наш лагерь выглядит весьма специфически: длинные ряды белых марлевых балахонов, свисающих с деревьев, короче говоря нечто среднее между дурдомом и санаторием для инфекционных больных.

Но на этом наши приключения не закончились. В первое же утро на свежем воздухе, часов эдак в пять-шесть утра мы были разбужены истошными воплями, как потом выяснилось, одного почтенного местного жителя азербайджанской национальности, который по своему обыкновению прогонял стадо буйволов как раз через садик, где мы мирно почивали. Бедные животные, давно привыкшие к этому маршруту, никак не могли взять в толк, что за посторонние предметы появились на пути их следования и, удовлетворяя свое природное любопытство, пытались заглядывать своими

большущими рогатыми головами под наши пологи. При этом они громко мычали, явно возмущаясь таким поворотом дела.

Среди дам началась легкая паника, переходящая в тяжелую. Так как Андрей Александрович оказался единственным среди нас «стойким оловянным солдатиком», который несмотря на тяжелые экологические условия проживания в доме, все же ночевал именно там, он ничего этого просто не увидел и не услышал. И от страшных рогатых зверей нас мужественно оборонял Миша Козлов, весьма метко кидая в них чем ни попадя, в основном камнями, в изобилии разбросанными по саду. Надо сказать, что подобные атаки мы выдерживали еще на протяжении нескольких дней, пока наконец после многочисленных наших просьб не был изменен маршрут следования стада.

Кое-как устроившись на новом месте, в первый же вечер мы расположились в саду и стали обсуждать наши планы на следующий день. Увлечшись нашими разговорами, мы не сразу заметили, что в кустах неподалеку периодически вспыхивают сигаретные огоньки. Как потом выяснилось, это была ненавязчивая «охрана», заодно выполнявшая функции соглядатаев, так как председатель колхоза принял нас за очень важную проверяющую комиссию из Москвы. А проверять там, как мы вскоре выяснили, было что... Жители Новоголовки потом рассказали нам, что среди них была проведена «разъяснительная» работа, чтобы они держали язык за зубами и не вздумали жаловаться на свою тяжелую участь.

Утром ни свет ни заря белая председательская «Волга» завизжала тормозами у нашего «Эдема». Из нее вышел председатель, как и положено восточному мужчине, с солидным брюшком, гордо выставляемым впе-

ред, и с криками: «Мэксика, о Мэксика!» (кто-то из наших зачем-то сказал ему, что моя мама родом из Мексики), бодро направился в нашу сторону. На водительском сиденье сидел молодой парень, как потом выяснилось, племянник председателя.

В первое время работы на Кавказе, особенно в Азербайджане, удивляла эта повсеместная семейственность. Например, браки между двоюродными братом и сестрой там отнюдь не редкость, особенно в сельской местности. Точнее сказать, они там скорее являются правилом, чем исключением. Объясняется эта древняя традиция необходимостью приумножить, или, по крайней мере, не уменьшить семейный капитал, часть которого в противном случае перешла бы в собственность другой семьи или другого рода.

Со временем к этому привыкаешь, и воспринимается все это «безобразие» лишь как еще одно проявление местных традиций, а отнюдь не как криминал. Тем более, что некоторые генетики в своих работах показали, что такие браки чреватые не только отрицательными последствиями близкородственного скрещивания, как считалось ранее. Дело в том, что наследуемые положительные качества обоих супругов у их потомков в таком близкородственном браке будут сохранены, а в некоторых случаях даже усилены¹. Как видно, древние традиции имеют под собой серьезный фундамент.

А что же наш председатель? Он уже успел комфортно расположиться за нашим столом и о чем-то оживленно беседует с Андреем Александровичем. Как они понимали друг друга, для меня остается полной загадкой и по сию пору, так как довольно быстро выяснилось, что по-русски наш хозяин практически ничего

¹ Спицына Н.Х. Проблемы исторической генетики. М. 1993. С.131.

не понимал, что и привело к тому, что он принял нас за важную комиссию из Москвы.

Единственное же (кроме ставшего уже привычным: «Мэксика, о-о-о, Мэксика!»), что я смогла понять из его пространных речей, было то обстоятельство, что он называл себя и своих соплеменников загадочным словом «ураты». То есть, не причислял себя к азербайджанцам, а наоборот, выделял в какой-то другой народ или племя. Проконсультировавшись по приезду в Москву со специалистами нашего Института, я особой ясности в этот вопрос не внесла. Но Атига Измайлова подтвердила мои предположения о том, что под таинственным названием «ураты» скрывалось самоназвание рода.

Баба Нюра

Ну вот, кажется, Мамедкул-оглы соизволил нас покинуть, и мы можем наконец-то приступить к работе. Мне очень повезло, потому что первый молоканский дом, в который я попала, принадлежал пожилым супругам Клышниковым - Анне Степановне (бабе Нюре) и ее мужу Тимофею Алексеевичу. Эта чудесная пара молодоженов (они поженились несколько лет назад, когда дедушка овдовел) вспоминается мне так ярко и красочно, как будто мы общались вчера, а не пятнадцать лет назад. И это не удивительно, уж такие это замечательные люди.

Баба Нюра - маленькая, сухонькая, сгорбленная, необыкновенно подвижная, с удивительными, сияющими добротой и озорным юмором глазами, в неизменном аккуратном платочке, всегда хлопчет по дому и при этом успевает рассказывать о своей жизни. И как рассказывать! Она то громко (слегка туговата на ухо) поет озорные частушки, то вдруг, хитро прищурившись, спрашивает: «А у кого в селе самый вкусный хлеб? А? У меня, милка моя, у меня». И я понимаю, каким-то шестым чувством улавли-

ваю, что это так и есть, можно даже не проверять и не сравнивать.

А баба Нюра уже вопрошает далее: “Ну, а у кого самый красивый фартук и самый красивый платок в церкви (так молокане называют свой молельный дом) был? Не знаешь, я чай?” И тут же бежит за доказательством, каковое я потом и зафиксирую на фото пленке. Действительно, очень красиво, тончайшее кружево собственной же баб Нюриной работы. Она в свои почти 75 лет все шьет и вяжет сама, да как здорово! А она про-

должает: «А кто из девок лучше всего пел?» Ответ читателю, полагаю, очевиден. Вот такая она, моя дорогая баба Нюра. И сколько в этом бесхитростном разговоре здорового отношения к себе, как к личности с большой буквы. Никакого вам нашего интеллигентского самокопания, комплексов и рефлексии! Ощущение такое, как будто говоришь не со старушкой преклонного возраста, а с молодой женщиной или даже девушкой. Недаром говорят, что возраст - это состояние души.

Дед Тимофей внешне полная противоположность своей второй половине. Высокий, косая сажень в плечах, абсолютно прямая спина, ни единого седого волос-

Молоканское село Новоголовка.
Супруги Клышниковы, Тимофей
Алексеевич и Анна Степановна.
(1986 г.)

ка в густой черной шевелюре и не менее густой бороде, в неизменной шляпе с полями и в довершение ко всему - кавалер ордена Ленина - ну просто «настоящий полковник»! Неизменно в хорошем состоянии духа, очень гостеприимный, всегда за работой в своем чудесном саду. Моя фотокамера зафиксировала его на высоченной лестнице, когда он срывал для нас чудесные сочные и нежные плоды фигового дерева. В 1986 г. он, будучи пресвитером, возглавлял молоканскую общину Новоголовки и, как величайшую святыню, показал мне старинную Библию в кожаном переплете, которую чудом удалось сохранить в очень непростое для всех советских людей, а для так называемых «сектантов», к которым огульно причисляли и наших молокан и духоборцев, особенно - сталинское время.

Любимый рассказ бабы Ньюры - это сватовство деда. Когда он овдовел, решил посвататься к ней. А она в то время уже довольно давно жила в семье своего сына в городе нефтяников Сумгаите, помогала воспитывать внука. И вот баба Ньюра начинает: «А знаешь, сколько баб в селе было? Восемьдесят пять!». «Нет, восемьдесят семь», - спокойно поправляет ее дед. «Ну вот, видишь, даже восемьдесят семь! А он все равно за мной поехал! Да в такую даль! Да на третий этаж зашел! А внук как услышал, что к бабушке приехали свататься и она, стало быть, может уехать, как заплачет! Тогда дед дал внуку пять рублей, что-то вроде калыма за бабушку, и он тогда успокоился и отпустил меня замуж. А знаешь, как он скучает, когда я сына навещать уезжаю? Нет? Встречает меня на остановке и говорит, что без меня не может! Вот так», - завершает свой удивительный рассказ баба Ньюра. Дед лишь молча улыбается в бороду, да изредка машет на бабушку рукой, дескать, «не преувеличивай!». А под конец не выдерживает и убегает в сад за очередной порцией ин-

жира, не забывая крикнуть нам на бегу: «Отдыхайте, дети мои, отдыхайте!»

Еще баба Нюра поведала мне, что когда в селе появился первый трактор, они думали, что теперь он все будет делать сам, без особого вмешательства человека. И даже куплеты сочинили в этой связи: «Трактор пашет, трактор сеет, трактор песенку поет». К сожалению трактор не оправдал возложенных на него больших надежд и по-прежнему доля ручного труда в сельской местности огромна.

В этом доме всегда царила атмосфера искренней любви этих пожилых людей друг к другу, которая своим удивительным светом согревала всех, кто переступал порог их двора. О доме же их хочется рассказать более подробно. Он того заслуживает. Достаточно сказать, что на момент нашей экспедиции ему уже исполнилось 150 лет.

Дело в том, что в окрестностях Новоголовки никаких лесов нет и не было даже во времена первых молотанских поселенцев. Когда строили этот и другие старые дома, лес (а это огромные, в три обхвата бревна) привозили очень издалека. Если спуститься в подвал дома, то на его потолке хорошо видны эти самые большие бревна, которые и составляют, если так можно выразиться, «костяк» дома. В подвале в старинной деревянной емкости хранится пшеница и другие припасы. Сам дом довольно большой, что тоже поражает воображение, так как на самом деле это всего лишь половина от того, первого домища, возведенного прадедом деда Тимофея. Когда его сыновьям пришло время жениться, он из одного дома построил два. О его легендарной силе напоминает огромный валун, лежащий во дворе дома, который он отнес в другое место, чтобы не мешал, после чего потерял зрение. Вот такие это были былинные богатыри, не мы! Дома так называемых «кулаков» в

годы коллективизации были частично разобраны и пошли на строительство колхозных амбаров, которые в 1986 году еще производили вполне внушительное впечатление.

О прочности этих домов говорит и тот факт, что баба Нюра со своим мужем пережила в нем несколько серьезных землетрясений (Новоголовка расположена в зоне высокой сейсмической активности). Меня поразило отношение этих людей к смерти. Если трясти начинало ночью, они даже с кровати не вставали, справедливо полагая, что «на все воля Божья». Воистину: «По вере вашей да будет вам...»

Хвори душевные и физические

Воду для питья и готовки мы брали из скважины поблизости от того места, где жили. Никто почему-то не предупредил нас, что внутрь ее употреблять нельзя. Но через пару дней мы уже и сами догадались об этом. По закону подлости я стала первой жертвой некачественной воды. Прием всяческих лекарств никакого эффекта не дал. Тогда Миша Козлов пошел в село и у кого-то взял засушенную траву зверобоя, каковую он исправно заваривал, ставил передо мной кружку с целебным напитком и говорил: «Пей до дна».

Две недели я кроме этого самого зверобоя и таблеток гастротрофарма, несказанно пугавших всех своими гигантскими размерами, ничего внутрь не употребляла. Слабость была такая, что когда мы поехали купаться на море, меня из него просто вынесло на берег. Пришлось даже отказаться от похода в гости к директору сельской школы, о чем я, наверное, буду сожалеть до конца своих дней. Дело в том, что среди прочего на стол была подана черная икра, но не в маленьких баночках, а в здоро-

венных мисках (!). Вот оно, кавказское гостеприимство!

Между тем, почти все сотрудники экспедиции потихоньку пополнили ряды занемогших. Я тихо подозреваю, что без желтухи или чего-то подобного дело не обошлось. Во всяком случае, склеры глаз у всех нас сильно пожелтели. Наблюдались и другие симптомы. Андрей Александрович свалился последним, как и положено капитану корабля. При этом он сразу забыл о врачах, больницах и прочих атрибутах цивилизации, которыми грозился мне и другим сотрудникам, и, как простой смертный, мужественно сносил неизбежное, забаррикадировавшись в своем домике и гоня толпы огромных, очень мохнатых и довольно страшных пауков, почему-то облюбовавших место нашей постоянной дислокации.

Окончательное излечение наше от страшного недуга произошло следующим образом. Как-то раз все уехали на море, захватив с собой цистерну с питьевой водой, за которой мы теперь специально ездили в дальний колодец. Я же осталась в лагере, так как очень плохо себя чувствовала. Вдруг я поняла, что сижу без питьевой воды. Что делать? И тут я вспомнила, что в центре села, в том месте, где раньше была нефтяная скважина, бьет источник минеральной воды. Я принесла целый бидон этой воды и выпила его в течение дня. Что тут началось! К вечеру у меня случилось такое обострение, что я думала - все, это конец. Зато на следующий день все прошло. Известно, когда лечение эффективно, вначале его часто сопровождает ухудшение состояния. Все наши больные последовали моему примеру и быстро вылечились.

Не могу не вспомнить здесь еще один крайне неприятный эпизод, разыгравшийся в те же дни. К сожалению, наш экспедиционный шофер не отличался осо-

бой трезвостью, оправдывая это обстоятельство тяжелым детдомовским детством,. Но это было еще полбеды. Дело в том, что округа была наводнена винодельческими заводами, производившими дешевое и некачественное вино, по типу печально знаменитого портвейна «Агдам». Кто-то все время поставлял это пойло (канистрами!) нашему шоферу. Андрей Александрович старался контролировать процесс и беспощадно выливал эту гадость на помойку. Но как-то раз он все же не успел за нашим «большим ребенком» и тот наклюкался «до чертиков». После чего стал гоняться с монтировкой за «гнилыми интеллигентами», не забывая при этом обзывать нас «жидами» и другими, не вполне литературными, но, видимо, обычными для него в таких случаях выражениями.

Ситуация усугублялась тем обстоятельством, что в этот вечер С.М. Кузнецова и М.В. Козлов уехали куда-то по делам, и в лагере оставались одни женщины, не считая хворого А.А. Воронова. Это, видимо, и придало нашему «герою» особую смелость. В первый момент я просто впала в шоковое состояние, так как ни с чем подобным в жизни мне сталкиваться не приходилось. Анечка, студентка биофака МГУ, пыталась привести меня в чувство следующей аргументацией: «Надюша, ну ты нашла из-за чего переживать! Да я еще в школе и не такое в свой адрес слышала, не говоря уже о нашей коммунальной кухне». Но это почему-то показалось мне слабым утешением.

В конце концов А.А. Воронову удалось-таки успокоить дебошира и на следующий день он даже попросил у всех прощения. Но состояние шока у меня, как у натуры крайне впечатлительной, прошло не скоро. Кто бы мог подумать в том далеком теперь уже 1986 году, что пройдет всего несколько лет и подобные заявления

можно будет услышать не от допившегося до белой горячки работяги, а из уст вполне респектабельных (по крайней мере, на первый взгляд) политиков и даже, не побоюсь этого слова, некоторых генералов!

“Каравай, каравай, кого хочешь, выбирай!”

Вся эта история произвела на меня крайне тяжелое впечатление, и я с удовольствием приняла приглашение бабы Нюры переночевать у них дома. Дело в том, что я хотела посмотреть, как она выпекает свой действительно неповторимый хлеб. Но каждый раз, когда я приходила к ней утром, она с гордостью объявляла: «Все уже готово, вот, попробуй, какой вкусный!» И я поняла, что единственное, что мне остается, это прийти к моим «старосветским помещикам» вечером и переночевать, тем более, что баба Нюра опару ставит с вечера. «Заодно и прослежу весь процесс», - подумала я, попросив бабушку разбудить меня ночью, если она будет что-то подмешивать в тесто.

Меня уложили в соседней комнате на пышной перине, к которой еще надо было приспособиться. Долго я не могла заснуть. Мешали духота и злополучная перина, от которой прохладой почему-то не веяло. Наконец я провалилась в долгожданный сон, и, как мне показалось, почти сразу же проснулась от какого-то громкого стука. Оказывается, была уже глубокая ночь, часа эдак три - четыре, и баба Нюра встала, чтобы добавить кое-что в свою опару. Но меня ей было жалко будить, и она тихонько отправилась на терраску, где и происходило священнодействие с тестом. Но дед был начеку! Он стал что есть мочи дубасить в стену и кричать: «Надя, вставай скорее, а то опять опоздаешь!». Я вскочила и таки успела зафиксировать для науки рецепт удивительного хлеба бабушки, которая, немного смахивая на бабу Ягу (но очень добрую!) или вол-

шебницу Бастинду из Изумрудного города, колдовала над тестом при свете тусклой лампочки и яркой звезды, заглядывавшей в окно террасы.

Утром я помогла бабе Нюре разжечь русскую печь и через час мы уже лакомились ароматным, с хрустящей корочкой хлебом. Немного погодя я попросила моих старичков одеться по парадному, чтобы я могла сфотографировать их во всем блеске. Они засуетились, забегали в поисках красивых туалетов (баба Нюра, разумеется), а дед Тимофей, вспомнив о том, что является кавалером ордена Ленина за доблестный труд, решил по такому случаю достать его из сундука. Но длительные поиски, к сожалению, не увенчались успехом, и тогда он вспомнил, что внуки недавно играли с орденом и понял, что теперь найти его будет ой как непросто.

И вот, рассматривая те памятные для всех нас фотографии, я вижу бабу Нюру во всем блеске ею же сшитых туалетов (платье темного ситца, оттеняющий его белоснежный фартук и такой же батистовый платок, украшенные изысканной ажурной вышивкой), а рядом в своей повседневной одежде ее верный спутник жизни, сияющий радостной улыбкой и не сводящий с нее влюбленного взгляда. Уже будучи в Москве, я послала бабушке посылку с ситцами, чтобы она могла обновить свой гардероб. А в ответ получила роскошные гранаты и съедобные каштаны. Ну и разумеется, неизменные семечки, которые мы потом долго уничтожали всем сектором.

Поминки

В Новоголовке же мы присутствовали на поминках по пожилой женщине, умершей сорок дней назад. После службы в молельном доме нас пригласили на поминальный обед, где собралось очень много народа - практически все

пожилые люди села. Тогда мне впервые бросилось в глаза, что вначале трапезы обязательно подают чай, причем очень горячий, и только потом закуски и первое блюдо. Это явное заимствование из азербайджанской кухни обусловлено скорее всего необходимостью как можно лучше адаптироваться к необычайно жаркому климату этих мест.

За день до поминок несколько женщин сообща готовят самое трудоемкое блюдо - неперенный у молокан атрибут любого сакрального или торжественного стола - домашнюю лапшу. Мне было крайне любопытно наблюдать весь этот процесс и даже позволено самой в нем поучаствовать. Помню жарко горящую русскую печь (в Закавказье их часто ставят еще и на дворе, чтобы не обогревать летом дом), в которую на специальной длинной палке заносят огромный тончайший блин и держат там некоторое время, чтобы он там немного просушился. А уже потом, сложив его определенным образом, мелко, мелко крошат на лапшу. Вкус такой лапши ни с чем не сравнится и забыть его невозможно! Даже сейчас пишу, и слюнки текут.

На поминках и других сакральных мероприятиях существует определенный порядок рассаживания гостей. Как правило, пожилые люди садятся за отдельный стол, те, которые помоложе - за другой. Хозяйева вообще за стол не садятся, а только успевают ухаживать за гостями, разнося многочисленные угощения. В конце обеда опять подают чай, но теперь уже со сладостями (чаще всего - это выпечка собственного приготовления).

Черный пляж

В воскресенье мы всей компанией отправились на море немного отдохнуть. Остановились на совершенно пустынном, что в тех местах дело обычное, пляже. И тут, выйдя из душной машины, мы увидели, что песок-то на

пляже совершенно черного цвета. Вот это экзотика! Чистый, черного антрацитового цвета, песчинка к песчинке. И тут я вспомнила, что когда-то отец, работавший в свое время на Кубе, рассказывал мне, что там есть знаменитый остров Пинос, по форме напоминающий большую запятую, на котором имеются роскошные пляжи с черным песком, куда, дескать, возят самых почетных гостей. Да, когда-нибудь и в Азербайджане будет свой фешенебельный курорт. Весь вопрос только в том, - когда?

Пробыв на море несколько часов, мы отправились в неблизкий обратный путь. За целый день на пляже появилась только одна машина с семейством, дружной и шумной гурьбой забегавшем в воду прямо в одежде. Из чего мы сделали вывод, что у местных жителей нет традиции проводить свободное время на море.

Верочка

Еще один человек, который очень помог нам в Новогловке, это Верочка Соболева, которая работала в сельсовете бухгалтером. Она рассказала мне, что еще несколько лет тому назад отношения между молочанами и азербайджанцами были очень хорошими. Соседи помогали друг другу во всем и каких-то конфликтов между ними не было. Достаточно сказать, что молочане, как пожилые, так и молодые, прекрасно знают азербайджанский язык и свободно на нем изъясняются. Меня поразил тот факт, что когда мама Верочки рассказывала мне какой-нибудь эпизод, касающийся отношений с соседкой-азербайджанкой, и дело доходило до воспроизводства ее прямой речи, она тут же переходила на азербайджанский и, с непередаваемым местным колоритом и интонациями, продолжала свой рассказ. Она же поведала мне, что многочисленным приемам переработки молока, которыми

молокане в совершенстве овладели, их научили соседки - азербайджанки.

Как-то мы с Верочкой зашли в дом ее подруги, чтобы побеседовать с ее родителями, которые, как оказалось, после обеда легли отдохнуть. А подруга между тем стала собирать угощение, и, в частности, поставила на стол копченую колбасу. В этот момент ее отец вышел из дома и присел на крылечке. Увидев колбасу, он очень заволновался и стал на повышенных тонах вопрошать, кивая в мою сторону: «Ты чем же ее кормишь? Ты что же это ей даешь, а? Ну-ка сейчас же убери!» Я была в полном недоумении. И тут девушки засмеялись и все разъяснилось само собой: «Да это папа принял тебя за азербайджанку, которые, как известно, свинину не едят, и испугался, что ты обидишься». Таких примеров внимательного и уважительного отношения друг к другу русских (в данном случае, это были молокане) и коренных народов Кавказа можно привести множество.

К сожалению, в 1986 году, когда мы работали в Новоголовке, ситуация с межнациональными отношениями изменилась в худшую сторону, и молокане оказались там на положении национального меньшинства. Ни одна сколько-нибудь значимая в колхозе должность им не принадлежала. Люди рассказывали, что азербайджанцы, чтобы захватить их участки, ставили свои дома прямо с тыльной стороны молоканских усадеб, постепенно захватывая их земли.

Обычными стали конфликты из-за полива участков (дело в том, что в засушливых местностях этот полив осуществляется в порядке определенной очереди), которые усугублялись тем, что климат в последние годы меняется в сторону еще более засушливого. Раньше большим подспорьем в хозяйстве служила рыба, в изобилии водившаяся в мелких ответвлениях Каспия, которые подходили

чуть ли не к самому селу. Но в связи с обмелением Каспия, вода ушла очень далеко от села, и рыбы не стало.

Поражала чудовищная бедность, сквозившая во всем облике когда-то очень богатого села. Пожилые люди, как правило, жаловались на очень плохое здоровье и отсутствие денег на лечение. Молодежь - на бесконечные поборы начальников разных уровней, начиная со средней школы и далее. Вся эта ситуация усугублялась тем обстоятельством, что Джалилабадский район находился, как я уже упоминала, в глубине огромной пограничной зоны, куда без специальных документов въезд был строго запрещен, и стало быть, был оторван от «большой земли». Многочисленные попытки хождения по инстанциям и жалобы оставались, как правило, без ответа. В результате люди были вынуждены покидать родные места и мигрировать по большей части в Краснодарский и Ставропольский края. На этом примере можно ясно видеть, как тесно переплетаются в судьбах людей экологические, климатические, экономические, этические проблемы и как непросто бывает распутать этот клубок.

Гражданская война в Новоголовке

Татьяна Федоровна Дудина, которая родилась в Новоголовке в 1912 году, поведала драматическую историю из времен гражданской войны в Закавказье. Части Красной армии под командованием молодого командира Волкова вели неравный бой с превосходящими силами противника в окрестностях Новоголовки. В горах Волкова и других военных взяли в плен и зверски убили. Тогда же мирных жителей впервые стали брать в заложники.

Мать Татьяны Федоровны обмывала труп Волкова. Она занималась народной медициной и помогала односельчанам по мере сил. В тот момент она была в положе-

нии и после этого трагического события у нее случился выкидыш, и на следующий день она умерла. Отец Татьяны Федоровны предложил свою одежду, чтобы в нее обрядили Волкова. Но его однополчане отказались, и он был похоронен в военной форме. Хоронили его всем селом на сельском погосте. За остальными убитыми родные приезжали из Пришиба, Калиновки, Привольного (села в окрестностях Новоголовки).

В молебном доме

Еще в первые дни нашего пребывания в Новоголовке А.А. Воронов поговорил с руководителями молоканской общины и попросил для всех нас разрешения присутствовать на воскресном молебне в молебном доме. Такое разрешение и было им получено и в назначенный день мы, предварительно облачившись - девушки в юбки по щиколотки и блузки с длинным рукавом и платочки, а мужчины в рубашки с длинными рукавами - отправились на службу.

Молебный дом представляет собой обычный жилой дом, который община выделила специально для этой цели. Деревянные стены изнутри украшены вышитыми полотенцами, посреди горницы стоит стол, где обычно сидят чтецы. Вдоль стен лавки для молящихся. В основном служба проходит сидя, но иногда все становятся на колени. Мы скромно сели в сторонке, чтобы не смущать людей и затаив дыхание, стали ждать начала службы.

Сначала человек, назначенный в этот день читать псалмы, стоя, открыл огромную старинную Библию в кожаном переплете и громким речитативом, который до сих пор стоит у меня в ушах, полузапел - полупродекламировал отрывки из писания. Остальные молча слушали, не крестясь (молокане, как мы это уже отмечали выше, не

признают обряда крещения и, соответственно не крестятся). И вдруг одна пожилая женщина запела, как мне показалось вначале, очень слабеньким голоском. Кто-то стал ей подпевать, и вот уже все верующие распевают на разные голоса только что прослушанные псалмы.

Я ощутила, как мороз бежит по коже. Такого пения я уже никогда и нигде больше не слышала. Подкатили слезы, но это были слезы радости за этих необыкновенных людей, которые в таких невероятно тяжелых экологических, климатических, экономических, наконец, условиях сумели сохранить себя, свою веру, свою богатую самобытную культуру. Эта молоканская служба в скромном деревянном домике потрясла меня до глубины души и осталась самым сильным впечатлением за все годы полевых исследований в Закавказье.

*“Летайте самолетами Аэрофлота...,
если, конечно, сможете в них попасть!”*

Не могу не вспомнить еще одно путевое, а лучше сказать непутевое приключение. 30 июля 1987 года, Москва. Я собиралась вылететь в экспедицию, начальным пунктом которой был славный город Ереван, столица тогда еще советской Армении, где меня должны были встречать А.Н. Ямсков и А.П. Павленко. Мой самолет вылетал из Москвы около семи утра. Таксист немного припозднился и, уважив мою просьбу ехать как можно быстрее, развил почти космическую скорость, благо в тогдашней Москве отсутствовал даже намек на какие-либо пробки. Вбежав в здание аэропорта Внуково, я с облегчением перевела дыхание: очередь на регистрацию моего рейса протянулась вдоль всего здания, стало быть я не опоздала! И я скромно пристроилась в самый хвост вышеозначенной очереди, справедливо полагая, что без меня,

дескать, не улетят. Но, никогда не говори «никогда»!

Прошло пять, затем десять минут и я поняла, что очередь не двигается, ну просто-таки замерла на одном месте. Понять, что же происходит, как обычно в таких случаях, было не так-то просто. Наконец мы поняли, что регистрация по каким-то таинственным причинам или идет очень медленно, или вообще не идет. А время неумолимо приближалось к семи часам, то есть к моменту, когда самолет должен был вылететь из Москвы. Народ стал волноваться все больше и больше, все засуетились, стали куда-то бегать, что-то кричать. Это все больше напоминало панику на тонущем корабле.

И вот, когда стрелки часов почти вплотную приблизились к цифре семь, из окошечка высунулась милая девушка и объявила всем стоящим в очереди (а таковых было несколько десятков человек!) что регистрация закончилась, а все не прошедшие ее считаются опоздавшими и вообще говоря могут сдать свои билетки в кассу, с почти полной потерей стоимости, так как больше они им (билетки, стало, быть) не пригодятся. Вот так, коротко и ясно.

Что тут началось с обманутым народом, почти полностью состоявшим из уроженцев солнечной Армении, я просто не берусь описать. Крики, вопли, чертыхания! Все ринулись к вожделенному окошечку, пытаюсь хоть как-то облегчить свою печальную участь, но оно предусмотрительно захлопнулось, и милая девушка быстренько удалась в спасительные недра аэропорта Внуково, оставив страждущих вылететь в сторону горы Арарат наедине с их, как теперь принято говорить в определенных кругах, «мышинными проблемами».

Первые несколько минут я пребывала в полнейшем столбняке. Холодный пот прошиб меня при мысли о том, что мои товарищи через два часа приедут встречать меня в аэропорт Звартноц, а я даже не могу предупредить их о

случившемся (о, где же вы, где, мобильные телефоны, о которых тогда никто слыхом не слыхивал, видом не видывал!). Страшно заныла левая рука и стало трудно дышать - верный признак сердечного приступа. Потом я все же сообразила позвонить маме, которая смогла связаться с Алексеем Петровичем и предупредить его. Пришлось стоять в очереди к телефонам-автоматам около 40 минут, так как мои товарищи по несчастью тоже предупреждали своих родных и близких о переносе вожделенного свидания на неопределенное время.

Но что же делать дальше? Как купить билет в разгар сезона? Как и, главное, кому доказать, что ни на какой самолет мы не опаздывали, а нас просто-напросто выражаясь современным языком, «кинули» не вполне порядочные сотрудники аэропорта, видимо за большие деньги продавшие билеты на наш самолет другим людям? И тут наиболее активная часть коллектива решила: нужно написать письмо с жалобой в министерство гражданской авиации и выделить небольшую делегацию, которая непосредственно вручит его какому-нибудь важному дяде для принятия неотложного решения по нашему вопросу. Короче, старый, избитый способ: «Вот приедет барин, барин нас рассудит».

На этом и порешили. Процесс составления письма сам по себе был бы очень забавным, если бы не печальные эмоции, его сопровождавшие. Я очень жалею, что не сохранила его черновик. Было бы сейчас над чем посмеяться. Я попыталась, как могла, его отредактировать. В конце письма шли наши подписи и это, пожалуй, было самой экстравагантной его частью. Достаточно сказать, что Джульетты и Гамлеты были самыми скромными в этом замечательном списке имен, а учитывая то обстоятельство, что в нем приводились еще и отчества, скучно бы не показалось никому. Ну вот кажется и все, ходоки отпра-

вились в Москву, прихватив с собой для пущей убедительности целую футбольную команду детишек. А мы остались в томительном ожидании решения нашей невестелой участи.

Но кто сказал, что в наших рядах царило уныние? Нет, я вас спрашиваю, а что, собственно, такого случилось? Ну, да, самолет таки улетел без нас. Ну и что? Жизнь, оказывается, на этом не заканчивается.

Наш пестрый табор довольно быстро оправился от первого потрясения, вскоре уже слышались шуточки-прибаутки, кто-то достал нехитрую провизию, и поделившись с другими, принялся трапезничать, кто-то вовсю резался в карты. Природные жизнелюбие и оптимизм армянского народа и тут пришли ему на выручку. Хочу еще сказать, что бегая по аэропорту в

Две бабушки-молоканки на
улице с. Новоивановка, 1987 г.

попытках добиться хоть какого-то вразумительного объяснения случившемуся с нами безобразию, я стала свидетельницей того, как наш солдат, раненый в Афганистане, - молодой парень на костылях, оказался в похожей ситуации и даже к нему отнеслись вполне безразлично.

А дело, между тем, шло к вечеру. И вот наконец-то из министерства вернулась наша делегация и, о радость, с положительным ответом, суть которого сводилась к тому, что все желающие попасть в Ереван, могут вылететь туда

утром следующего дня (!), но уже из другого аэропорта (Домодедово). Мы с радостью согласились.

Так закончилось еще одно приключение, связанное с экспедиционными поездками, после которого я стала придерживаться незыблемого правила - приезжать в аэропорт за два часа до начала регистрации, чего и вам желаю. Наверное, не стоит здесь упоминать о том, что никому и в голову не пришло извиниться перед нами, или там, не дай Бог, заплатить компенсацию за моральный ущерб. Искушенный в такого рода вещах читатель и сам понимает, что ничего такого не было, да, по тем временам, и быть не могло. Зато теперь есть о чем поведать потомкам.

На следующий день в Ереване меня таки встретили коллеги по сектору этнической экологии и наш экспедиционный отряд уже под руководством Н.А. Дубовой продолжил работу в Армении и Азербайджане.

Молокане, прыгуны, субботники...

Экспедиционная работа сектора этнической экологии в русских селах отнюдь не ограничивалась территорией Азербайджана. В августе 1987 года мы работали в Армении, где наш отряд под руководством Н.А. Дубовой обследовал села Лермонтово и Фиолетово, расположенные относительно недалеко друг от друга на среднегорном плато. Молокане Армении, как и повсюду в Закавказье, специализируются, в частности, на выращивании изумительной по качеству белокочанной капусты и чеснока, что приносит им неплохой доход. Бросалось в глаза изобилие мотоциклов, легковых машин, лошадей в личном подсобном хозяйстве и вообще более высокий уровень жизни людей, особенно по сравнению с Новоголовкой.

Достаточно сказать, что в одном молоканском дворе хозяин с гордостью продемонстрировал нам

большуций
бассейн, где
резвились фо-
рели, а заодно
буквально зава-
лил нас огром-
ными букетами
цветов из сво-
его сада. Потом
мы старались
обходить этот
дом издалека,
так как история
с цветами
повторялась

каждый раз, как
только мы по-

Молоканская семья из с. Лермонтово,
Армения, август 1987 г.

казывались на горизонте. В другом доме нас исправно поили парным молоком, что особенно умиляло восторженно настроенных девушек.

В Фиолетово же преобладали прыгунские¹ семьи. Запомнился разговор в семье молодой женщины, у которой на тот момент уже было 7 человек детей. Из разговора с ней я поняла, что для прыгунов это отнюдь не предел (в селе были семьи с 16 и более детьми). И хотя эта семья была не из зажиточных, все дети были хорошо ухожены и, что пожалуй самое главное - здоровы.

Колоссальное впечатление оставило посещение древнего армянского монастыря Гегард, вырубленного талантливыми зодчими в скалах. Был яркий солнечный день и стены древних базилик мягко отсвечивали розовым светом. Внутри храма было прохладно, сумрачно и очень

¹ Прыгуны – представители более радикального молоканского толка.

торжественно. Полумрак слегка рассеивался от многочисленных свечей, которые ставились в специальные поддоны прямо в потемневший от золы песок. Со стен на тебя смотрели старинные мозаики с изображением святых угодников и мучеников.

Молоканское с. Лермонтово. Армения, август 1987 г.

Когда я вышла из храма, меня ослепил яркий солнечный свет, и я не сразу поняла, что же за суэта происходит на улице. А кругом сновали люди, бродили белоснежные овечки с красивыми платками на шеях, доносился ни с чем не сравнимый запах шашлыка. Оказывается, был какой-то праздник, и люди приводили в храм ритуальных овечек, чтобы священник освятил их. За воротами храма их закалывали и закатывали пир на весь мир. Честно говоря, наш экспедиционный народ (особенно женская его половина) был слегка шокирован таким поворотом дела. Мне кажется, что это еще один яркий пример того, как

языческие традиции тесно переплетаются с христианскими. Настолько тесно, что зачастую трудно бывает отделить одно от другого.

Н.И. Григулевич с жительницами с. Лермонтово.
Армения, август 1987 г.

Н.А. Дубова (за что я ей очень благодарна, так как я смогла примерить на себя роль руководителя, оценить, как она нелегка и понять, что я конкретно для нее совсем не подхожу), взяла на себя смелость и отправила меня во главе небольшого отряда¹ в высокогорное село Новоивановка, которое находится на самой границе Армении и Азербайджана. Дорога туда очень живописная, проходит через знаменитое озеро Севан, где мы разумеется, сделали

¹ В него входили студенты московских вузов – молодожены Катя и Андрей (это было их свадебное путешествие), внучка сотрудника нашего Института Юля Кривелева и наш шофер Саша.

остановку для того, чтобы искупаться. В Новоивановку мы приехали на нашем утлом УАЗике лишь под конец дня, совершенно измученные дорогой, так как наш шофер, будучи впервые на Кавказе, слегка заплутал.

Наш верный УАЗик на фоне школы в Новоивановке, где мы жили.
Кедабекский район Азербайджана. Яков Ильин – крайний слева.
(август 1987 г.)

На наше счастье дядя Яша Ильин, школьный сторож, о котором нам рассказали ваши коллеги, ранее уже побывавшие в Новоивановке, внял нашим просьбам и истопил для вас баню, выйдя из которой мы почувствовали себя возрожденными к новой жизни и, розовые и счастливые, (что ясно видно на фотографиях, запечатлевших этот радостный момент), расположились под раскидистым деревом в школьном дворе. И дядя Яша поведал нам свою историю.

Как известно, в иудаизме обряду крещения соответствует обрезание. Субботники свято соблюдают этот обряд. В одном из крупнейших субботнических сел Азербайджана Привольном, которое славится своими

знаменитыми виноградниками, куда мы заезжали по пути в Новоголовку, в этой связи нам поведали трагикомический случай. Молодой человек, русский, влюбился в девушку из Привольного. Надо отметить, что такие браки обычно мягко говоря, не приветствуются общинами духоборцев, молокан, субботников. Молодые люди стараются создавать семьи внутри общины. Но любовь - страшная сила. Для нее, как известно, преград нет. Молодому человеку было поставлено условие принять субботническую веру, и соответственно, пройти обряд обрезания, что во взрослом состоянии связано с большим риском для здоровья. И молодой человек согласился на это не самое простое условие!

Дядя Яша рассказал нам, что во время войны очень боялся попасть в плен к немцам, которые, как известно, были заняты радикальным решением еврейского вопроса. А еще он поведал нам, что в конце 1939 года, когда мы крепко «дружили» с рейхом, будучи где-то в последних классах школы, он безапелляционно заявил во всеуслышание, что война между нашими странами неизбежна. После чего директор школы схватил его за шиворот и чуть не разmozжил ему голову об стену.

Жили мы прямо в здании старенькой школы, куда нас пустил все тот же наш ангел-хранитель дядя Яша. И вот в первую же ночь мы проснулись от сильного шума и уже приготовились обороняться от невидимого противника. Андрей вышел на разведку и с удивлением узнал дядю Яшу, который с грохотом разбирал что-то в старых, пыльных школьных шкафах. Оказывается, приехал директор школы и приказал срочно провести инвентаризацию учебного оружия, находившегося на балансе школы. Почему это надо было делать ночью, мы так и не поняли. Никаких межнациональных конфликтов тогда еще не было и в помине, и единственное

разумное объяснение, которое приходило на ум - проверить, не стащили ли мы пару-тройку берданок для личного пользования...

Утром мы, предварительно разделившись на группы, отправились с нашими анкетами по домам. Я, прихватив Юлечку, пошла проведать самую старую жи-

102-летняя баба Сара в объятиях Юли Крывелевой. Субботническое с. Новоивановка, август, 1987 г.

тельницу села бабу Сару. Мы застали ее во дворе, за старинной прялкой. Где и сфотографировали на память. Тогда бабе Саре было уже целых 102 года! Жила она совершенно одна, но полностью справлялась со всем хозяйством. Она рассказала, что всю жизнь праздновала субботу, и соответственно, ничего не делала в этот день. Нельзя даже разводить огонь в печи, готовить, зажигать свет и т.д. и т.п. «А кто же вам помогает по субботам, баба Са-

ра?» - поинтересовалась я. «Да мой сосед - азербайджанец» - невозмутимо ответствовала бабушка.

Действительно, в те годы большинство населения

Новоивановки уже составляли азербайджанцы, которые, как видно из этого примера, очень уважительно относились к своим соседям - субботникам. Правда, все это было до печально знаменитого карабахского конфликта, во время которого Новоивановка попала под бомбежки и была практически разрушена. Учитывая, что это было одно из последних субботнических сел в Закавказье, урон, который был нанесен этой самобытной культуре так называемым «локальным конфликтом», не поддается никакому подсчету. Не говоря уже о трагических судьбах ни в чем не повинных людей.

с. Новоивановка, 1987 г., август.
Мария Ильина печет для нас прощальные пироги

На прощание жена дяди Яша тетя Маша испекла для нас пироги и замечательный хлеб по старинным рецептам в русской печке, что и было мной зафиксировано на фотопленке. В это же время дядя Яша все подшучивал над Юлечкой из-за ее девичьей худобы и гово-

рил, что ей необходимо поправиться хотя бы до размеров (очень не маленьких!) тети Маши, а то молодые люди ее не будут любить. Юля же между тем, пользуясь как раз хрупкостью фигуры, легко вспорхнула на русскую печку, где ее сияющую рожицу я и сфотографировала на память об удивительных людях, встречу с которыми подарила нам судьба.

Ивановка

Наш путь лежал дальше, вглубь Азербайджана, в знаменитое молоканское село Ивановка. Мы должны были выехать рано утром, чтобы затемно успеть добраться до места. Но случилось непредвиденное. Накануне вечером, придя с работы, мы обнаружили нашего шофера в абсолютно нетрезвом виде. Оказалось, что в наше отсутствие он смог добраться до запасов экспедиционного спирта, который хранился на случай чьей-нибудь болезни, и умудрился изничтожить их полностью. Мы несколько приуныли, думая, что теперь не скоро сможем привести его в чувство. Но на следующий день Саша нас не подвел и мы из графика движения не выбились. Да, чего бы мы стоили без наших героических шоферов!

При подъезде к Ивановке бросились в глаза огромные распаханые поля темного, почти угольного цвета (это дает о себе знать знаменитый горный чернозем) и аккуратные ряды виноградников, протянувшиеся до самого горизонта. Село большое, очень ухоженное (все дорожки заасфальтированы, кругом разбиты цветники, благоухают розы) - прямо черноморский курорт, да и только! Дома добротные, двухэтажные, с большими участками, некоторые даже с бассейнами, печные трубы украшены коваными замысловатыми флюгерами.

Во всем чувствовалась хозяйская рука. И рука эта

принадлежала бессменному председателю колхоза имени М.И. Калинина Николаю Васильевичу Никитину (ныне, к сожалению, покойному). Он в течение многих лет был членом ЦК Азербайджанской компартии, что, наряду с выдающимися организаторскими способностями, помогало ему поддерживать высокий экономический статус Ивановки. Ни с чем не сравнимое впечатление произвел на нас сельский дворец культуры, отделанный мрамором, с лепным потолком и паркетными полами. В нем работали многочисленные кружки и секции. Так, моя новая приятельница Люба Житкова, будучи школьницей, возглавляла гандбольную команду Ивановки, с которой они объездили весь тогда еще Советский Союз.

Нас пригласили на свадьбу, которая, как это практиковалось в годы лигачевско-горбачевской всеобщей борьбы со спиртным, была безалкогольной. Нам показали убранство комнаты для новобрачных, которая вся была увешана белоснежными накрахмаленными вышитыми полотенцами. Из гостей на свадьбе присутствовали также армяне из соседних сел, с которыми у жителей Ивановки издревле были кунацкие отношения.

Внутренний интерьер Дворца культуры в с. Ивановка.

Азербайджанцы переняли у русских способ выпечки хлеба
в русской печи. с. Ивановка, август 1987 г.

Вообще, отношения с коренными народами Кавказа у молокан всегда были очень тесными и как правило дружественными, что зачастую определялось тем фактом, что они выступали в роли работодателей. Так, азербайджанцы, которых раньше называли «татарами», как правило работали в молоканских хозяйствах пастухами, особенно на отдаленных пастбищах. До революции, когда молокане на Кавказе по благосостоянию занимали одну из ведущих позиций, они выступали посредниками в довольно частых и в те времена межэтнических конфликтах и спорах, иногда даже укрывая в своих домах тех, кому грозила физическая расправа. Этим они завоевали непререкаемый авторитет и уважение среди местных жителей.

В самом селе также живут представители корен-

ных национальностей, но Никитин был категорически против того, чтобы их количество увеличивалось, как это случилось в других русских селах (например, в Новоголовке), где русские фактически перешли на положение национального меньшинства, со всеми отсюда вытекающими печальными для них последствиями. В Ивановке, как и в других русских селах, а может быть и в большей степени, шел процесс взаимной интеграции культур рядом живущих и тесно взаимодействующих народов.

Когда я работала в доме Любы Житковой, которая тогда еще была студенткой географического факультета университета в Грозном, она познакомила меня со своим братом, который учился в Баку в медицинском институте. Закончив учиться, они вернулись в Ивановку работать и до сих пор живут там. То есть в те годы миграция из Ивановки была минимальной. Сейчас, особенно после карабахского кризиса, ситуация изменилась и молодежь все больше подумывает о том, чтобы перебраться в Россию.

Интерьеры молоканских домов - это отдельная тема. Когдаходишь в такой дом, впечатление такое, что все занавески только что накрахмалили и только что повесили, а пол только что помыли. Все сияет чистотой и уютом. Вообще, трудолюбие у этих людей удивительное. Недаром многие молокане, перебравшиеся в Москву, сделали тут блестящие карьеры. Люба показала мне бассейн в саду и прелестную беседку, всю увитую плющом. А на кухне - итальянскую газовую плиту с пьезоподжигом, о которых мы в Москве в те годы даже и не слыхивали. Потом она несколько раз приезжала ко мне в Москву погостить и мы очень подружились.

Редкие минуты отдыха. Во дворе гостиницы в с.Ивановка, август 1987 г.

Мне нужно было уезжать и чтобы не останавливаться в Баку в гостинице, я воспользовалась любезным предложением одной из жительниц Ивановки переночевать у ее дочери Галины Духаниной, которая жила с двумя дочками (ее муж в это время работал во Вьетнаме) в одном из старых районов города. Это был довольно ветхий одноэтажный дом с коридорной системой, где мирно уживались армяне, азербайджанцы, русские.

Вообще Баку был в то время наполовину русским городом. На его улицах чаще можно было слышать русскую речь, чем какую-то другую. Теперь ситуация конечно сильно изменилась. Люба Житкова недавно рассказывала мне, что в один из последних своих приездов в Баку, когда она с друзьями гуляла по набережной, какой-то иностранец (как потом выяснилось, это был англичанин), прямо таки атаковал ее, будучи уверен на сто

процентов, что она тоже англичанка. Подвели европейские черты лица.

Галя Духанина очень обрадовалась моему приходу, расспросила все новости об Ивановке и своей маме и познакомила меня со своими ближайшими подругами - армянкой и азербайджанкой, которые очень помогли ей, когда она болела. Потом выяснилось, что в соседней комнате жили ее родственники по мужу, стало быть тоже молокане. Но отношения с ними почему-то были более чем прохладные. Потом, когда разразился армяно-азербайджанский конфликт и произошли трагические события в Сумгаите и Баку, я часто вспоминала этот бакинский скромный домик, где так мирно уживались представители разных национальностей. На следующий день мы отправились с Галей на рынок, и я смогла воочию убедиться, как хорошо она знала азербайджанский язык и как уверенно и с достоинством держалась. Вспоминаю ее с чувством любви и благодарности за настоящее молоканское гостеприимство.

В Грузии: Месхет – Джавахетия

25 мая 1988 года мы прилетели в Сухуми, где нас встретил начальник экспедиции Анатолий Николаевич Ямсков. В отряд входили Лена Оборотова, аспирант Виктор Катунин, моя подруга Татьяна Крылова, студентка Олечка и наш шофер Сергей. Нам предстояло переночевать прямо на берегу моря в местечке Тамыш, где традиционно останавливались, будучи в Абхазии, наши экспедиционные отряды. Это место находилось в отдалении от многочисленных в то время турбаз и добраться туда мог только наш славный ГАЗ-66, так как по дороге нужно было преодолеть довольно бурный ручей, в котором обитали многочисленные раки.

Погода нам не благоприятствовала, было довольно прохладно для этого уже почти летнего времени года и купаться мы не смогли. Но все равно, было упоительно прогуляться по галечному совершенно безлюдному пляжу, подышать живительным морским воздухом, смешанным с дымом костра, полюбоваться на резвящихся неподалеку стройных молоденьких лошадок. На утро, собрав нехитрые пожитки, мы двинулись в далекий путь в Месхет-Джавахе́тию, которая находится на границе Грузии с Арменией и Турцией. Это место, где живут потомки русских старожилов - духоборцы.

По дороге сделали только одну остановку в горах, чтобы перекусить и немного размять вконец затекшие ноги. И ближе к вечеру уже въезжали в райцентр Богдановку. Сразу бросились в глаза земляные крыши, покрытые дерном, которые блестели на солнце изумрудной травой и пестрели одуванчиками. Была Троица - один из самых главных религиозных праздников - и по улицам, видимо со службы, шли духоборцы и духоборки в своих необычных, расшитых яркими шелковыми и шерстяными нитками костюмах. Лица их были торжественны, строги и полны удивительного достоинства.

Не задерживаясь в Богдановке, мы проследовали дальше и наконец добрались до основной цели нашего путешествия - большого духоборческого села Гореловки, бывшей в прошлом столицей Духоборья. Нас встретили сотрудники Института Александр Буганов и Светлана Иникова, к тому времени уже недели две работавшие в Гореловке. Светлана рассказала, что работать им было непросто, люди здесь привыкли никому особенно не доверять и найти общий язык с ними нелегко.

Действительно, большие, добротные дома были окружены высокими металлическими заборами, из-за которых доносился лай кавказских овчарок, а иногда

они сами показывали во всей красе свои огромные мохнатые морды, не предвещавшие ничего хорошего тому, кто вздумает нарушить их территорию. Каждый, кто встречался на пути, приветствовал тебя неизменным «Здорово!», на что полагается отвечать: «Слава Богу!».

Духоборы на веранде сиротского дома после службы.
с. Гореловка, Грузия, июнь 1988 г.

«Как же преодолеть эти препоны, физические и духовные?» - думала я и ясного ответа не находила. Гореловка расположена высоко в горах (две тысячи метров над уровнем моря). Эти сухие цифры практически означают уровень альпийских лугов. Иными словами там не растут деревья и кустарники, да и вообще что-либо вырастить - большая проблема. В июне, когда мы собственно там и работали, было еще очень холодно, и оде-

вались мы только что не по зимнему. Дома в это время года уже не отапливаются из целей экономии привозного и соответственно, дорогого топлива. Полы в них по традиции делают земляные, что тоже не способствует особому теплу. А первые поселенцы по рассказам их потомков вообще были вынуждены жить в землянках, вырытых на скорую руку в мерзлой земле (на дворе стояла лютая зима). Поэтому до весны ровно половина из них не дожила. Вот в каких суровых условиях ковался духоборческий характер.

Русские крестьяне, исповедовавшие духоборческое учение, проповедовали непротивление злу насилем, отказывались брать в руки оружие и, соответственно служить в армии. За что их жестоко преследовали власти. Когда в начале XIX столетия они получили возможность основать компактные поселения на Кавказе, руководители общины охотно ею воспользовались. Их не испугали расстояния, дикая природа и суровый климат высокогорного края, ставшего для них новой Родиной, и иноэтническое окружение. Переселенцы стойчески перенесли все тяготы нелегкого пути и первые, самые нелегкие годы жизни на новом месте.

Но вернемся в июнь 1988 г. Когда я пришла в дом Сластухиных Николая Васильевича и Марьи Петровны, первое, что они сделали - поднесли мне рюмку крепчайшей чачи, что, не скрою, в первый момент меня несколько обескуражило. Но законы гостеприимства, особенно на Кавказе – это дело святое! Потом, просидев за интереснейшей беседой в их доме часа два - три, я поняла, что в Духоборье, с его суровым климатом и земляными полами в домах, без такой «энергетической подпитки» долго не протянешь.

Николай Васильевич рассказал, что уже в 1931 году сослали всю их семью. Бабушку же арестовали. В

августе 1933 года они ненадолго вернулись в Гореловку, после чего в конце года их опять ссылают в Сибирь, куда в район Актюбинска они шли три месяца по этапу. Работали на стройке, где сразу же были поставлены на руководящие должности за исключительное трудолюбие. Когда пришло время возвращаться на родину, лагерные начальники не хотели отпускать Николая Васильевича, как самого ценного работника. «Оставайся здесь, там тебя опять закатают на полную катушку» - уговаривали они его. Но зов родной земли оказался сильнее, и хотя мрачные предсказания отчасти сбылись, Николай Васильевич все же возвратился в Гореловку.

Его мать и бабушку в 1937 году посадили в крепость в Ахалцихе, через которую прошло большинство духоборческих семей. В этой крепости заключенных секли на специальном камне. Отец и брат Николая Васильевича пропали в недрах репрессивной системы без права переписки. А бабушка его так и умерла в тюрьме, но уже в Тбилиси.

Такие грустные рассказы я слышала практически в каждом духоборческом доме. Так, Василиса Архиповна Елецкая тоже рассказала, что родители ее были сосланы и отец так и погиб в ссылке. Видимо такие массированные репрессии сталинских времен объясняются тем, что духоборцы, отличавшиеся удивительным трудолюбием, трезвым образом жизни и общинной взаимопомощью, всегда (особенно до революции) были людьми весьма состоятельными и сплоченными. И чтобы загнать их в колхозы, а заодно прибрать к рукам движимое и недвижимое имущество, нужно было сломать прежде всего их закаленный в борьбе дух.

“Трудись, питайся, духом очищайся...”

В местечке Колонка (сейчас оно называется Болни-си) жили немцы-меннониты, с которыми у духоборцев издавна сложились тесные дружеские и деловые контакты. Меннониты в прошлом жили по соседству с духоборцами еще на Молочных водах (Украина). Уроженец Гореловки Владимир Владимирович Тихонов рассказал мне, что каждый немец старался освоить несколько специальностей - кузнечное, столярное, винодельное. Особенно они славились своими фургонами, изготовление которых и переняли у них духоборцы. За такой фургон давали от одной до двух лошадей. И это был очень существенный приработок для духоборческих семей.

Еще один способ натурального заработка - изготовление сыров по кавказским рецептам - практиковался во всех семьях. Вообще, таких молочных продуктов, как в Гореловке, я в жизни больше никогда не пробовала, да и вряд ли еще попробую. Когда мы шли по улицам Гореловки или заходили в какой-нибудь дом, то обычно слышали такой разговор: «Деточки, вы же тут без папы, без мамы, вот, возьмите маслица, творожка, яичек, сырочек свеженький». В результате такой трогательной о нас заботы, когда в конце июня мы покидали Гореловку, выяснилось, что все экспедиционные припасы у нас остались целы. Такого случая я больше не припомню.

Однажды нам с Таней Крыловой даже предложили самим попробовать сбить масло в деревянной маслобойке. Сменяясь каждые пять минут, мы буквально высунув язык и напрягая все силы с трудом справились с поставленной перед нами непростой задачей. Теперь-то я поняла, почему любимой присказкой духоборцев является «трудись, питайся, духом очищайся».

Высококачественные сыры в Духоборье изготавливали и на государственном сыроваренном заводе. Нам рассказывали, что шли они исключительно на экспорт, ну и в закрытую кормушку ЦК КПСС, разумеется.

Дед Владимира Владимировича Тихонова славился как искусный мастер по отделке седел чернью. Сам же хозяин дома был знаменит тем, что невзирая ни на какие трудности с климатом и высокогорье вырастил около своего дома несколько видов елей, облепиху, черноплодную рябину и другие диковинные для этих мест растения. Достаточно сказать, что ели около его дома - это единственные деревья во всей округе. Этим обстоятельством и объясняется тот факт, что духоборцам из-за отсутствия леса приходилось делать на своих домах живописные земляные крыши, которые, впрочем по словам Владимира Владимировича, никогда не протекали.

Н.И. Григулевич примеряет традиционный духоборческий наряд.
с. Гореловка, Грузия, июнь 1988 г.

Своего пика духоборческое гостеприимство достигло в доме Владимира Николаевича Тимощука, провозжавшего сына в армию. Во дворе дома стояли огромные котлы, где варилась знаменитая лапша и другие вкусности. В доме были накрыты длинные столы, ломившиеся от всяческих яств. Но главное испытание заключалось в том, что каждые пять минут родственник хозяев подносил нам по рюмке чачи и дожидался, пока мы ее выпьем. Как мы дошли до своего дома колхозника, где и обитали, я уже не помню.

Центр Гореловки украшает так называемый Сиротский дом, или в просторечии - Сиротская. Это двухэтажный большой деревянный дом, обнесенный галереями, украшенными ажурной резьбой, в котором когда-то находилась резиденция Лукерьи Васильевны, или как ее обычно называют - Лушечки, так называемой духоборческой «Богородицы». Свое название дом получил от находившегося здесь же сиротского приюта для детей, оставшихся без родителей. Тут же находился так называемый дом пожертвований, куда люди отдавали часть собранного урожая, которым в случае необходимости могли воспользоваться нуждающиеся члены общины. Сейчас, как и прежде, здесь по воскресеньям собираются на моления пожилые люди. Мне посчастливилось присутствовать на одном из них.

Духоборцы в своих поисках духовной истины пошли дальше молокан и не признают Библию своей священной книгой. Они также полагают, что Бог находится в сердце каждого верующего человека и для того, чтобы общаться с ним, не нужны никакие посредники. Для них священной является Животная книга духоборцев - сборник псалмов и сказаний, который передается из поколения в поколение. В начале службы каждый присутствующий обменивается поклонами и приветствиями друг с другом,

что напоминает своеобразный танец, а затем начинается собственно чтение, вернее пение речитативом псалмов. Все одеты в красочные духоворческие одеяния, которые я неоднократно фотографировала.

Где-то в середине нашего пребывания в Гореловке наши гостеприимные хозяева решили устроить нам пикник в горах, куда, вооружившись разнообразной провизией, мы и отправились в одно из воскресений. По дороге мы заезжали на так называемые «пещерочки» и «могилочки», памятные для духоворцев места, связанные с такими определяющими всю их дальнейшую судьбу событиями, как например, знаменитое сожжение оружия. Дело в том, что хотя духоворцы и проповедовали непротivление злу насилием, оружия в их домах было так много, что его пришлось везти на нескольких возах. Объясняется это тем, что Духоборье располагалось в очень беспокойном месте, на самой границе с Турцией.

Граница же как таковая не была маркирована и уж тем более не охранялась так, как мы к этому привыкли в советское время. Охраняли ее казачьи разъезды, что не всегда было эффективно. Поэтому турки часто совершали набеги на духоворческие владения, охотясь главным образом за породистыми скакунами и женщинами. Духоборцам приходилось быть все время начеку и свои дома они всегда были готовы защищать. Правда, иногда дело обходилось и без оружия. Так, мне рассказали, что однажды пожилой духоворец, поймав турка на месте преступления, просто-напросто окунул его головой в чан с сырным рассолом и утопил его там. Были случаи умыкания духоворок в Турцию. Кто-то потом возвращался, кто-то навсегда оставался на чужбине.

В «пещерочках» любила гулять Лушечка и нам поведали трогательные рассказы о том, как ее в коляске

возили по почти отвесным горам. Старинное кладбище духоборцев тщательно ухожено и находится в очень хорошем состоянии.

В конце нашего пребывания в Гореловке мы дали небольшой банкет или «отвальную» для столь гостеприимно принимавших нас людей. Было много переживаний по поводу того, чем же мы будем угощать наших гостей. В результате к нашему скромному угощению гости добавили свои чудесные пирожки и все прошло как нельзя лучше. Утром нам нужно было выезжать в пять утра, но около десяти вечера гости засобирались - пора было доить скотину. Грустно было расставаться с новыми друзьями, но дорога звала вперед.

В общей сложности мы проработали в Гореловке почти месяц. Успели побывать в окрестных духоборческих селах - Орловке и Спасовке, а также в отдаленных Тамбовке и Родионовке, которые расположены на берегу высокогорного озера Паравани. Нам повезло, так как летом 1988 года Гореловка, Орловка и Спасовка были еще вполне благополучными, их еще не коснулась массовая миграция, или даже бегство в Россию, к великому сожалению характерные для наших дней. По этим прекрасно сохранившимся селам можно было судить о былом высоком уровне благосостояния, который был характерен для духоборцев края.

На берегах Паравани

Когда мы приехали в высокогорную Тамбовку (2100 м над уровнем моря), природа стала еще суровее и беднее. Прямо под окнами сельской школы, где мы жили, лежал не растаявший с зимы снег и это в конце июня! Озеро Паравани не замерзает даже зимой, так как его питают родниковые ключи, но вода в нем ледяная.

Несмотря на это мы купались в нем каждый день практически всем составом, за исключением Анатолия Ямскова, с некоторым презрением наблюдавшего за нашими барахтаниями и визгами.

На маленький экспедиционный отряд на фоне верного ГАЗ-66 и сельской школы, где мы жили. Духоборье. Высокогорное с. Тамбовка. Грузия, июнь 1988 г.

Федосья Степановна Козакова, родившаяся в Тамбовке в 1930 году рассказала мне, что в 1924 году там поселились армяне, бежавшие от резни из Турции. Их предки жили в городе Ардаган. Сначала они попали в район Ахалкалаки, а затем уже в Тамбовку. Температура зимой здесь доходит до минус 30 градусов и шквальный ветер не дает возможности дойти даже до соседей. Все перевалы закрыты и село практически оторвано от других селений.

В Родионовке я познакомилась с Анастасией Алексеевной Веригиной, родившейся там же в 1913 году. Она

рассказала, что в хозяйстве ее отца, Алексея Николаевича Веригина насчитывалось до 12 тысяч баранов, 50 коров, 30 лошадей. Семья насчитывала 24 человека. В работники они нанимали грузин, армян и татар (азербайджанцев). Немец-меннонит основал здесь сыроваренный завод, который успешно функционирует до сих пор, в чем мы смогли убедиться, посетив его старенькое здание. Медные котлы, в которых варится сыр, явно еще помнят своего первого хозяина.

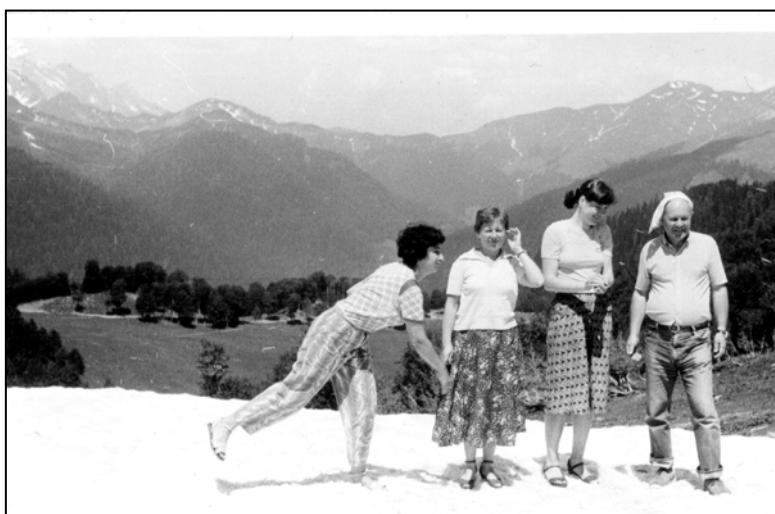
Анастасия Алексеевна поведала, что до того, как Родионовку основали духоборцы, здесь жили грузины и даже была грузинская церковь. Ее отец погиб в 45 лет от руки «татар», когда пытался выгнать со своего поля заполнивших его овец. Иван Степанович Веригин, ее дедушка, несмотря на ссылки и аресты (первый раз его сослали в 15 лет), дожил до 115 лет. Он якобы переписывался с самим Лениным и даже посылал ему деньги.

В Родионовке тоже живут армяне и теперь их пожалуй уже больше, чем духоборцев. Зайдя как-то в армянский дом, я была неприятно поражена тем, что чачу мне никто не преподнес, а мы к этому уже привыкли за месяц работы в духоборческих домах. Пока я беседовала с хозяйкой дома, вдруг почувствовала, как ледяной холод растекается по всему телу и руки и ноги окоченевают. Пришлось срочно посетить духоборческий дом, где я сразу же оттаяла и пришла в себя.

В последнее время осложнившиеся на Кавказе и, в частности, в Грузии межэтнические взаимоотношения вынуждают духоборцев Грузии возвращаться на свою историческую родину, в Россию. Так, в Чернском районе Тульской области им выделили земли, на которых они пытаются восстановить духоборческий уклад жизни и не дать умереть традициям.

Псху

Возвратившись через Абхазию в Сухуми и захватив вновь прибывших В.И. Козлова, В. Большакова и Н. Лебедеву, мы через озеро Рица отправились в высокогорное село Псху, где издавна русские жили по соседству с коренными народами. Дорога была трудная, иногда приходилось выходить из грузовика, чтобы он мог проехать через горную реку. Самое яркое воспоминание - это заснеженный горный перевал (1800м над уровнем моря), освещаемый ярким солнцем, на котором мы все играем в снежки. Когда мы наконец-то добрались до места, нам сказали, что это первая машина, которая пришла в село в этом сезоне. И это - вспоминая дорогу - не удивительно!

Высокогорный перевал по дороге к с. Псху. Абхазия, 1988 г.

По некоторым сведениям в Псху, пользуясь его крайне малодоступностью, издавна стекались разного ро-

да подозрительные личности с темным прошлым, а в сталинское время люди скрывались тут от репрессий. Говорят, во время войны до него не смогла добраться даже знаменитая фашистская дивизия горных стрелков «Эдельвейс». Место это действительно легендарное, и кто побывал там хоть раз в жизни, не забудет его никогда.

По дороге в высокогорное с. Псху. Абхазия, 1988.
Слева направо: Н.М. Лебедева, водитель С. Федотов, Рита, В.А. Большаков, В.И. Козлов, Н.И. Григулевич (фото из архива В.И. Козлова)

В Псху мы жили в очаровательном гостевом домике, стоявшем у подножия зеленого холма. Когда утром я выходила из него, первое, что поражало воображение - обилие цветов, кустарников, деревьев и чудесный аромат всего этого цветущего и благоухающего великолепия, который буквально обволакивал тебя волшебным облаком, подхватывал и нес куда-то в райские кущи. Конечно, жить в таких условиях, в каких живут люди в Псху, по полгода оторванные от большой земли, с одной стороны очень

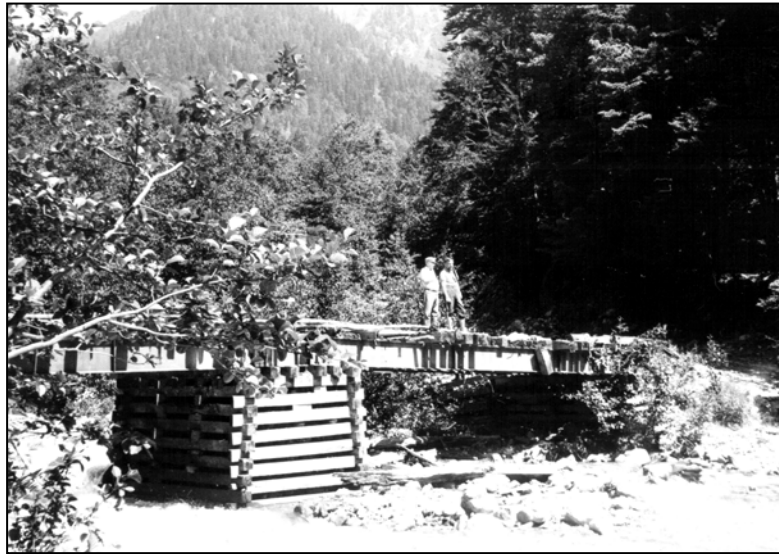
сложно. Но когда хоть немного соприкасаешься с этой чарующей природой, которой мы, жители больших городов, лишены начисто, понимаешь, что она-то и дает этим замечательным людям силы выживать с достоинством даже в таких непростых условиях.

Справедливости ради надо отметить, что оторванность от большой земли касалась в большей степени сухопутной дороги. Так, мост, через который с большими приключениями и немалой долей риска все-таки перебралась наша экспедиционная машина ГАЗ-66, действительно не могли отремонтировать в течение многих лет. В то же время в Псху функционировал аэропорт, который принимал легкомоторные самолеты. Правда, они не всегда прилетали по расписанию. Так, В.И. Козлов хотел воспользоваться услугами такого самолета, чтобы вернуться на нем в Сухуми, и они с Володией Большаковым отправились к месту предполагаемой посадки, но самолет просто-напросто не прилетел. И пришлось Виктору Ивановичу возвращаться вместе с нами уже известной нам очень трудной и главное очень тряской горной дорогой. Но в тесноте, да не в обиде! По пути мы пели песни, шутили и дорога не показалась нам тяжелой.

Большинство населения Псху - это потомки, как правило, уже смешанных браков русских (беженцев всех времен и народов, начиная чуть ли не со времен крепостного права) и кавказцев, что видно и из преобладающих фамилий. Ольга Владимировна Квацба рассказала, что большинство людей, наряду с общегосударственными, соблюдают православные праздники и посты. Своих детей они крестили в церкви в Сухуми.

В хозяйстве у них коровы, бычки, телята, 6 свиней. Одна из свиноматок недавно опоросилась и по двору бегали совершенно очаровательные поросята, некоторые из которых были раскрашены дикой раскраской - с полоска-

ми на спине, из чего хозяева делали вывод, что их хрюша согрешила с диким кабаном.

Сломанный мост на дороге к с. Псху. Абхазия, 1988 г.

Муж Ольги Павел Петрович Квацба рассказал мне, что раньше мужчины охотились в лесу на диких животных (кабанов и коз), а теперь на этой территории заповедник, но рыбу, особенно знаменитую своим нежнейшим розовым филе форель, они продолжают ловить. А вот начальство, часто навещающее на вертолетах из Сухуми на рыбалку, не долго думая просто глушит и травит рыбу чем попало.

Светлана Кантария, директор сельской школы, поведала нам, что когда-то здесь жили убыхи - близкий к абхазам народ, который переселился в Турцию во время войны с Шамилем. Она также сетовала на заброшенность и отдаленность села от цивилизации. По ее словам немцы, во время войны пытавшиеся захватить Псху, назвали эти

места «заброшенной кладовой». Всего население села на момент нашего обследования составляло 250-260 человек.

На всю жизнь я запомнила эти прозрачные, покрытые легкой дымкой холмы, с благоухающим ковром диких цветов, по которым на резвых скакунах гарцевали потомки гордых и независимых людей, предпочитавших далекое изгнание и жизнь на чужбине рабству и подневольному труду на родине. Мы пробыли в этом чудесном месте всего три дня, но эти дни врезались в память на всю жизнь как воспоминание о чем-то удивительно радостном и прекрасном.

Большое видится на расстоянии...
(вместо заключения)

Итак, мой рассказ об удивительных приключениях научных сотрудников на Кавказе подходит к концу. Это были замечательные, незабываемые годы. Впечатления об этих поездках останутся одними из самых ярких и радостных воспоминаний за всю мою жизнь, хотя с тех пор прошло уже более десяти лет и я успела побывать в самых разных уголках как нашей страны, так и за рубежом. Тем яснее я вижу сейчас все детали и перипетии нашей работы в Закавказье, и тем более ценной и важной она мне представляется. В те годы, когда проводились эти исследования, нам и в голову не могло прийти, что могут наступить такие времена, когда те поселения (особенно это касается русских сел на Кавказе), где мы работали, практически полностью обезлюдеют и соответственно, придет в упадок замечательная культура, носителями которой являлись молокане, прыгуны, субботники и духоборцы.

Преследовавшиеся царским правительством за «раскол», сектанты в XIX веке расселялись на Кавказе с таким расчетом, чтобы с одной стороны изолировать их от православных, лишив тем самым возможности обращаться в свою веру новых прозелитов, и с другой - усилить русское влияние в крае. Чтобы стимулировать миграцию, сектантам были предоставлены различные льготы. К таким льготам относились в частности паспорта для свободного передвижения и торговли по всему Закавказью, которое довольно быстро покрылось сетью сектантских поселений.

Жители русских поселений, расположенных вдоль государственной границы, выполняли, как мы это видели, например, в Духоборье, роль ее добровольных защитников. Зачастую русских селили в совершенно необжитых, плохо пригодных для жизни местах, как, например, в Ахалкалакском уезде Тифлисской губернии. Но постепенно поселенцы налаживали свое хозяйство и со временем приобрели славу непревзойденных хлеборобов и животноводов. Не чурались они и различных приработков. Кавказский наместник князь Воронцов свидетельствовал, что «с тех пор, как стали селиться в Закавказском крае русские поселенцы, там открылись промышленность и ремесла, с которыми не были знакомы местные жители, появились извозчики, каменщики и другие мастера»¹.

История и современное состояние русских поселений в Закавказье являются прекрасной моделью для изучения динамики адаптации малых этно-конфессиональных групп в условиях иноэтнического окружения и непривычных природных условий. Сектор этнической экологии Института этнологии и антропологии РАН с 1986

¹ Надеждин П.П. Кавказский край. Природа и люди. Тула, 1901. С.129

года разрабатывает эту проблему, которая в последние годы в связи с ростом напряжения в межнациональных отношениях на просторах СНГ приобрела особую актуальность.

В результате многолетних исследований мы пришли к выводу, что система тесных взаимосвязей, сложившихся между русскими поселенцами и коренными народами к началу XX века и обеспечивавшая стабильность культурно-хозяйственных и межнациональных отношений, сегодня оказалась в значительной степени разрушена. Процесс разрушения традиционных форм взаимосвязей развивался на фоне общего экономического кризиса, который характерен для территории всего бывшего Советского Союза. В местах контактных зон соприкосновения двух или более этносов экономический кризис приобретает особую остроту, так как усугубляется межэтническими противоречиями.

Ситуация с русскими старожилами в Закавказье на первый взгляд довольно спокойная. До прямой конфронтации дело там не доходило, если не брать в расчет субботническое село Новоивановку, практически стертую с лица земли во время карабахского кризиса. Русские старожилы, живущие на протяжении последних 150-170 лет в Закавказье, издавна пользовались большим уважением коренных жителей, которые высоко ценили их трудолюбие, предприимчивость и умение успешно хозяйствовать даже в самых экстремальных природных условиях.

Русские села, как более благоустроенные и отличавшиеся более высоким уровнем жизни, стали местом притяжения местных жителей, которые в настоящее время как правило уже составляют большинство их населения. Живя бок о бок с русскими, коренные народы перенимали более прогрессивные агротехнические

приемы и даже некоторые сельхозорудия.² Они познакомились с гречихой и картофелем и по примеру русских стали активно заниматься пчеловодством.³ В свою очередь русские также заимствовали у кавказских народов ряд сельскохозяйственных орудий, садовых и огородных культур. Кроме того они заимствовали опыт зимнего выпаса скота у соседних кочевых и полукочевых групп овцеводов-азербайджанцев.⁴ Мои полевые материалы свидетельствуют и о глубоком взаимном проникновении такой традиционно консервативной области материальной культуры, какой является народная кулинария.⁵ Процессу взаимного заимствования наиболее выгодных в данных экологических условиях компонентов культуры жизнеобеспечения весьма способствовали добрососедские отношения, сложившиеся между представителями различных наций и хорошее знание русскими местных языков. Особенно возрос авторитет русских после того, как они выступили в роли посредников во время периодически вспыхивавших армяно-мусульманских (или татарских, как их по старой привычке называют местные жители) столкновений.

Показателем социокультурной адаптации русских старожилов (молокан, духоборцев, субботников) явля-

² Козлов В.И., Комарова О.Д., Степанов В.В., Ямсков А.Н. Проблемы адаптации русских старожилов в Закавказье (середина 19-20 вв.) // Советская этнография. 1988. № 6

³ Григулевич Н.И. Этноэкологическое исследование локальных пищевых комплексов русских старожилов в Армении // Советская этнография. 1990. № 1

⁴ Ямсков А.Н. Новоивановка: история селения и крестьянского хозяйства // Русские старожилы Азербайджана. Материалы по этнической экологии.

⁵ Grigulevich N.I. The Doukhobors of Georgia: traditional food and farming // Spirit-Wrestlers' Voices. Honouring Doukhobors on the Centenary of their migration to Canada in 1899. Toronto. 1998. 251

ется и тот факт, что после революции 1917 года и начавшихся затем межнациональных столкновений, большинство поселков недавних переселенцев из России пришли в упадок, в то время как селения русских старожилов в основном сохранились.⁶

В последние годы ситуация в русских старожильческих селах резко ухудшилась. Вся власть в них как правило сосредоточена в руках представителей коренных национальностей, при попустительстве и прямом участии которых процветают местничество, взяточничество, различные поборы. Население жалуется на крайне низкий уровень медицинского обслуживания, а иногда и его полное отсутствие, плохое качество воды, полное пренебрежение администрации к нуждам простых людей, а часто и на грубость и унижение их человеческого и национального достоинства. В этих условиях отношения между представителями различных национальностей давно уже далеки от идиллических. Молодежь, как правило старается уезжать из родных мест, причем миграция идет преимущественно в сельские же районы России, что говорит о том, что при благоприятных условиях они никогда не покинули бы родные земли. Отток русского старожильского населения из закавказских республик (теперь уже ставших суверенными странами) ведет фактически к гибели целого пласта самобытной национальной культуры, что не может не вызывать тревоги.

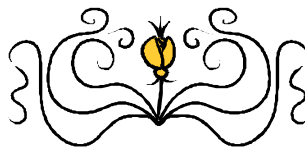
Это тем более обидно, если вспомнить, что в Канаде русские переселенцы - духоборцы, поселившиеся на пустынных землях в провинции Саскачеван и превратившие их в цветущий сад, смогли донести до наших дней свою самобытную культуру, издают газеты и жур-

⁶ Козлов В.И. Указ. соч.

налы, посылают своих детей учиться за границу (в частности, в Россию), а наши духоборцы и молокане, представители других этноконфессиональных групп русских вынуждены в мирное время покидать свои дома и ставшую родной для них землю.

С 1959 г. по 1979г. численность русских например в Азербайджане сократилась с 61,8 тысяч человек до 27,1 тысяч человек.⁷ В последние годы этот процесс лавинообразно нарастает. Относительно спокойно эти события развиваются потому, что русским, в отличие от скажем, турок-месхетинцев, есть куда уехать. Кроме того, на их психологии весьма сказывается идея «непротивления злу насилием», вообще говоря характерная для духоборцев и молокан и не позволявшая им, например, принимать участие в каких-либо военных действиях.

В заключение хочется выразить сожаление, что с началом Карабахского кризиса сектор этнической экологии был вынужден прервать столь плодотворно протекавшие на протяжении многих лет исследования в Закавказье. Логика развития научных исследований такова, что теперь будет довольно трудно возобновить их в прежнем объеме. Поэтому так важно было еще раз обратиться в прошлое наших экспедиционных будней и вспомнить это замечательное время, этих удивительных людей и свои приключения на такой прекрасной и незабываемой кавказской земле.

⁷ Козлов В.И. Указ. соч.